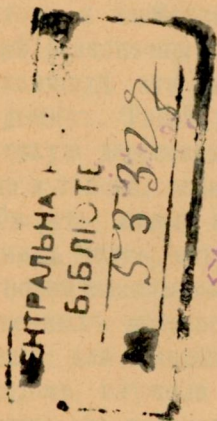

КНЯЗЬЯ ГОЛУБЫ.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ПРЕДАНИЕ.

І. КРАШЕВСКАГО.

53327

№ 53327
1980/04

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія «В. С. Балашевъ и К^о», Фонтанка 95.

1900.

Историческое предание

Историческое предание

И. Я. ШЕВКО

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11 іюля 1900 года.

Историческое предание

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Издательство С. С. Витковского и К. Фондана
1900.

I.

Это было очень давно. Цѣлые вѣка прошли съ тѣхъ поръ; въ то время на многое смотрѣли совершенно иначе, чѣмъ теперь. Происходило это во времена Сигизмунда Ш. Неправда ли, давненько вѣдь это было? Не одинъ, надѣюсь, зѣвнетъ и подумаетъ, что ему придется встрѣтиться съ иезуитами, прочесть нападки на Мейеринновъ, Боболи... Но напрасно. Мы здѣсь не увидимся съ этими личностями, опозоренными, правда, но все-таки незнакомыми намъ, какъ слѣдуетъ. Однако же, къ дѣлу.

Происходило это, какъ мы сказали, во времена Сигизмунда Ш, на Руси, то-есть въ одномъ изъ воеводствъ, лежавшихъ за Бугомъ и извѣстныхъ подъ этимъ общимъ названіемъ. Въ глубинѣ безконечныхъ лѣсовъ, въ разныхъ направленіяхъ пересѣкавшихъ эти мѣста, находились небольшая деревенька и и домикъ. Такой домикъ можно было бы увидѣть еще недавно, а такую деревеньку благосклонный читатель можетъ встрѣтить еще и теперь, если только ему угодно будетъ посмотрѣть вокругъ себя (что, между нами будь сказано, рѣдко случается съ нами). Домикъ этотъ, окруженный раскидистыми липами, частоколомъ и поднимавшимися надъ нимъ остроконечными крышами хозяйственныхъ построекъ, стоялъ у пруда на небольшомъ возвышеніи; для большей безопасности, онъ подпирался двумя колами. Входомъ служило крыльцо съ дубовыми скамейками. Стѣны домика, до половины ушедшія въ землю, покривившіяся, покоробленные, были покрыты толстымъ слоемъ глины, защищавшей обитателей его отъ зимней стужи и отъ осенней сырости; въ небольшихъ окошкахъ съ ветхими ставнями, которыя въ иныхъ мѣстахъ замѣнялись просто-на-просто соломенными рогожками, поднимавшимися къ утру и опускавшимися ночью, не доставало

уже многихъ стеколъ. Мохъ уже начиналъ покрывать крышу, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ея показалась и трава, колыхавшаяся при каждомъ дуновеніи вѣтра. Недавнія поправки виднѣлись на ней въ видѣ желтыхъ пятенъ. До такой степени былъ старъ этотъ домикъ, что надо было употреблять необыкновенныя усилія, чтобы отворить двери, а переступая черезъ порогъ, призвать на помощь всю свою ловкость, чтобы благополучно достигнуть пола, потому что прежде приходилось ступить на деревянный обрубокъ, а потомъ уже на самый полъ, — такъ далеко порогъ отстоялъ отъ пола.

Непонятно, какъ могла высокая, покоробленная крыша противостоять вѣтрамъ; по всей вѣроятности, она давно бы уже разрушилась, если бы ее не защищали липы. На одномъ изъ ея угловъ остатки сухихъ вѣтвей свидѣтельствовали, что тамъ было гнѣздо аистовъ; на другомъ торчалъ шестъ отъ бывшего когда-то на немъ флага. Дворъ заросталъ уже бурьяномъ. Не въ лучшемъ состояніи находились и хозяйственные постройки.

Ворота двора такъ глубоко вошли въ землю, что отворить ихъ не было никакой возможности; тѣмъ менѣе было возможно открыть подъ ними слѣды колесъ.

Вездѣ, вокругъ домика, въ огородахъ, на гумнѣ, бурьянъ непріятно поражалъ глаза зрителя. Надъ этой пустыней царила мертвая тишина, изрѣдка прерываемая карканьемъ воронъ...

Однако тропинка, проложенная среди заросшаго двора, и полуоткрытое окно въ домикѣ показывали, что домикъ этотъ не былъ совершенно оставленъ. Видно было, что въ немъ еще жили. Отъ села, которое раскинулось на лугу, дороги къ домику не было; значить, владѣлецъ его не помѣщикъ этого села.

Войдемте въ домикъ и скажемъ, по старинному: „слава Отцу и Сыну и Святому Духу!“ Иначе, пожалуй, и не примутъ насъ.

Солнце уже заходитъ и послѣдними лучами своими, получающими въ эту пору дня красноватый отливъ, освѣщаетъ дворъ и домикъ, въ которомъ мы видѣли полуоткрытое окно.

У дверей стоитъ молодой человекъ, красивый собою, крѣпко сложенный, одѣтый по дорожному. На лицѣ его, хотя румяномъ, со всеми признаками цвѣтущаго здоровья, написана глубокая грусть. Сѣрая куртка его подпоясана кожанымъ поясомъ, на боку виситъ сабля, въ рукахъ шапка безъ пера. Противъ

него, въ огромномъ креслѣ, сидитъ худой, хилый старикъ, однако, все еще сильный и огромнаго роста. Онъ кажется великаномъ, несмотря на то, что года согнули его станъ; жилистая рука, лежащая на колѣняхъ его, могла бы еще свободно владѣть мечемъ. Одѣтъ онъ въ сѣрый полотняный кафтанъ, шея его голая, а надъ нею красивая, гордая, съ высокимъ лбомъ голова, энергически откинута назадъ. Подъ гребенку остриженные сѣдые волосы, съ лысиною на маковкѣ, небольшая борода и длинные усы обрамляютъ загорѣлое, выразительное, но грустное лицо старика. Портретъ его будетъ законченъ, если мы скажемъ еще, что глаза у него свѣтлые, впалые, а ротъ узкій.

Всюду въ этомъ домикѣ видна бѣдность и нищета; но эта бѣдность не такъ рѣзко бросается въ глаза, вѣдствие необыкновенной чистоты, царствующей въ немъ. По сѣрымъ стѣнамъ развѣшены сабли, ружья, сѣдла, нѣкогда богатые, кресты, нагрудники, съ изображеніемъ Божіей Матери, и освященная пальма. На полкѣ видны книги, переплетенныя въ бѣлый пергаментъ. Около постели старика стоитъ большой сундукъ и и столикъ съ кручеными ножками, на которомъ лежатъ книга, четки и стоитъ стаканъ ключевой воды.

— Ну, что скажешь?—спросилъ старикъ, поздоровавшись:— что хорошаго?— и онъ посмотрѣлъ сыну въ глаза.

— Хорошаго?—повторилъ сынъ тихо:— хорошаго надо еще подождать.

— Не бѣда, если мы и не увидимъ его, этого хорошаго; вѣдь мы, кажется, не очень-то къ нему и привыкли?

Сынъ молчалъ, ожидая болѣе опредѣленнаго вопроса.

— Ну, говори же, парень. Хорошо или худо, для меня, старика, все равно. Я о васъ забочусь, а мнѣ какая отъ этого польза? Былъ ты въ городѣ?

— Былъ, князь.

— Что же сказалъ тебѣ Грыничъ?

— Ничего хорошаго. На успѣхъ нѣтъ никакой надежды. Бѣдность вездѣ заслоняетъ намъ дорогу, а княжество *притча во языцехъ*, когда оно ходитъ въ сермягѣ. Грыничъ говорить, что намъ едва-ли удастся выиграть наше дѣло.

— Я былъ увѣренъ въ этомъ, это можно было предвидѣть. Однако, садись; я думаю, ты очень усталъ.

Сынъ сѣлъ, но на кончикѣ сундука у двери. Старикъ продолжалъ:

— Такъ то всегда бывало. Если я силился выйти изъ бѣдности и побѣдить обстоятельства, то дѣлалъ это для васъ, дѣти мои. Съ меня будетъ и этой соломенной крыши. Но мнѣ казалось, что я не умру спокойно, если не позабочусь о васъ. Пусть не увѣнчаются успѣхомъ мои заботы, по крайней мѣрѣ, я буду утѣшаться мыслью, что я не сидѣлъ сложа руки, что я не смотрѣлъ хладнокровно на нашъ позоръ... А погибнетъ наше княжество, покроетъ его сермяга, то забудутъ о немъ и потомки!

Старикъ задумался

— Однако, я чувствую,—сказалъ онъ чрезъ минуту,—что въ жилахъ моихъ течетъ благородная кровь, и имѣю доказательства, что мы происходимъ отъ настоящихъ здѣшнихъ князей. Но, вѣрно, надъ нами тяготѣетъ проклятiе за какой-нибудь грѣхъ нашихъ предковъ! Изъ поколѣнiя въ поколѣнiе родъ нашъ и даетъ, гибнетъ, и вотъ имя наше, святое наслѣдство, доставшееся отъ отцовъ, скоро перейдетъ къ самозванцу. Ба! такова ужъ участь побѣжденныхъ. Быть можетъ, кара Божья была бы и не такъ замѣтна, если бы нашъ родъ разрушался постепенно, какъ тотъ дубъ, который вѣками приходитъ въ упадокъ, но, дѣлать нечего, надо молчать и хладнокровно смотрѣть на свое униженiе.

Старикъ замолчалъ и двѣ слезы потекли по его высохшимъ щекамъ. Сынъ не смѣлъ прервать долгаго молчанiя.

— Говори же, Дмитрiй, — сказалъ наконецъ старикъ, — что сказалъ тебѣ Грыничъ? Ты вѣдь знаешь, что меня ничто не поразить.

Грыничъ хочетъ запугать насъ. Не знаю, что съ нимъ сдѣлалось. Онъ общалъ намъ золотыя горы, пока пересматривалъ наши бумаги и не приступалъ къ дѣлу, а теперь совершенно перемѣнилъ я, охладѣлъ и не надѣется на успѣхъ.

— Неужели чорговъ сынъ измѣнилъ намъ? Да я ему уши обрѣжу! — вскричалъ старикъ, поднявшись съ кресла и чуть не касаясь потолка головою.

— Не знаю, отецъ; но въ его рукахъ наши бумаги. Я боюсь... онъ можетъ продать насъ.

— Продать?.. Да, правда твоя... Однако, еще увидимь...

И старикъ быстро подошелъ къ постели, взявъ саблю, подвязалъ ее ремнемъ, бормоча что-то себѣ подъ носъ.

— Куда ты собираешься, отецъ?

— Куда? Да къ этому собачьему сыну Грыничу. Я изъ горла его вырву наши бумаги, пока онъ еще не успѣлъ продать ихъ. Теперь нельзя тратить ни минуты. Но расскажи мнѣ все по порядку. Быть можетъ, ты напрасно обвиняешь чело-вѣка; это случается съ молодыми людьми.

— Я расскажу тебѣ все, что знаю. Суди самъ, правъ ли я.

Старикъ снова усѣлся въ кресло, держа въ одной рукѣ саблю, а другою оперся на столъ.

— Говори же,—сказалъ онъ,—кровь бросается мнѣ въ голову при одной мысли объ измѣнѣ. Я не столько забочусь о васъ—о себѣ я уже и не говорю—сколько о томъ имени, которое чужіе хотятъ присвоить себѣ. Я отвѣчаю за него. А что скажутъ на томъ свѣтѣ мои предки, когда встрѣтятся со мною! Спросять: «Евстафій, что ты сдѣлалъ съ нашимъ именемъ?»—Что я отвѣчу имъ тогда? Неужели то, что позволилъ назваться имъ повѣсѣ? О, этого не будетъ! Говори, Дмитрій.

— Я пріѣхалъ въ Луцкъ вечеромъ, — сказалъ сынъ, — и, остановившись у доминиканцевъ, которые всегда намъ рады, тотчасъ отправился къ Грыничу. Въ этотъ день, однакожь, я не видалъ его, хотя приходилъ къ нему три раза; только на слѣдующее утро я встрѣтился съ нимъ. Грыничъ видимо смутился, какъ только меня замѣтилъ, смѣшался и ничего не могъ сказать. Онъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ, теръ чубъ и долго не могъ выговорить ни слова. Я спросилъ его о нашемъ дѣлѣ.

— Вы, князь,—отвѣчалъ онъ, собравшись съ духомъ,—надоѣдаете со своимъ дѣломъ, а между тѣмъ денегъ не даете.

— Извините,—возразилъ я,—мы исполнили уговоръ—дали, что обѣщали.

— Этого мало!

— Вы сказали, что этого достаточно.

— Мало,—сказалъ онъ опять.—И ничего не выйдетъ изъ этого. Противникъ вашъ богатъ, силенъ, со связями: что вы съ нимъ сдѣлаете?

— Однакожь, вы обѣщали!

— Я ничего не обѣщалъ. Обѣщалъ то, что можно было обѣщать, а изъ пустой бочки, вы знаете, никто ничего не нальетъ.

— А! такъ вотъ какъ онъ запѣлъ теперя! — вскричалъ старый князь, дрожа отъ гнѣва. — Продолжай, Дмитрій, только, Бога ради, скорѣе. Я заставлю этого мерзавца уважать себя. Запоетъ онъ у меня иначе; но продолжай.

— Напрасно я ему говорилъ, что съ нашими бумагами всегда можно надѣяться на успѣхъ. Онъ твердилъ одно и то же: «изъ этого ничего не будетъ». Наконецъ, заикаясь, онъ сказалъ: «вы бы лучше сдѣлали, если бы помирились съ вашимъ противникомъ».

— И онъ смѣлъ это сказать, измѣнникъ! Да, ты правду говоришь, онъ продастъ насъ. Что же ты отвѣчалъ ему на это?

— Что мы скорѣе умремъ съ голоду, нежели согласимся продать свое имя! «Ну и умрете», — отвѣчалъ Грыничъ холодно.

— Да, умремъ, но вмѣстѣ съ нами погибнуть и наши преслѣдователи. Все ли ты сказалъ? — спросилъ старикъ.

— Все. Кажется, я не напрасно заподозрилъ Грынича?

— Ничего не можетъ быть вѣроятнѣе: онъ измѣнникъ! Теперь мнѣ все ясно. Его подкупили. Но подождите, злодѣи! Еще далеко не все кончено.

— Въ городѣ, — прибавилъ сынъ, — говорили мнѣ жида, которыхъ я спрашивалъ, что Грыничъ находится въ тайныхъ сношеніяхъ съ нашимъ преслѣдователемъ, тѣмъ самымъ, который хочетъ присвоить себѣ наше имя. Повѣренный часто видится съ Голубомъ, а иногда и самъ Голубъ пріѣзжаетъ къ нему.

— Да не называй ты его нашимъ именемъ! Онъ хамово отродье и называется Халупскимъ. Имя князей Голубовъ имѣютъ право носить ты, я да твоя сестра, и больше никто на свѣтѣ. Ну, теперь къ Грыничу! Нельзя терять времени. Я сейчасъ ѣду.

— Ты хочешь ѣхать, отецъ?

— Мы поѣдемъ вмѣстѣ.

— Вмѣстѣ? — спросилъ робко сынъ.

— Ахъ, да! я и забылъ, что у Голубовъ одна лошадь. Ну, что жъ: я поѣду одинъ. Двухъ насъ ни одна лошадь не довезетъ.

— Позволь мнѣ ѣхать за тебя, отецъ. Ты мнѣ дай только наставленія, и, клянусь, я сдѣлаю такъ, какъ ты хочешь. Теперь не очень безопасно. Кто знаетъ? Быть можетъ, насъ гдѣ-нибудь и подстерегаютъ? Вѣдь нашимъ злодѣямъ хотѣлось бы избавиться отъ насъ.

— Э, пустое!—возразилъ старикъ.—А если бы и напали на меня четверо и даже пятеро, такъ я сумѣю съ ними справиться. Со мною будетъ сабля, два пистолета, наконецъ, что-нибудь да значить и дѣдовскій ножъ за поясомъ. А если ты ужъ такъ боишься за меня, то я, пожалуй, надѣну подъ платье кирасу.

— Позволь мнѣ ѣхать, отецъ.

— Нѣтъ, нѣтъ! Я конечно, не сомнѣваюсь въ тебѣ, но вѣдь я поручилъ ему дѣло и повѣрилъ бумаги, а потому и взять ихъ обратно могу только я. Сиди лучше дома да береги сестру; а если у тебя будетъ время, то займись около поля. Намъ пришлось наконецъ самимъ пахать землю. Что жъ? это не стыдно. Тяжело только, когда подумаешь, что не для того мы родились. Пролить бы намъ кровь для блага родины, а не потъ. Кусокъ поля еще не вспаханъ; надо бы его вспахать.

— Завтра я пойду съ плугомъ,—сказалъ сынъ.

— Я провелъ уже тамъ нѣсколько бороздъ, но мысли мѣшаютъ мнѣ работать. Задумаешься, а волы и пойдутъ въ сторону и оставляютъ прорѣхи. Осѣдай мнѣ лошадь; да накормилъ ли ты ее?

— Накормилъ, только надо еще напоить ее; а потомъ я приведу ее.

Сказавши это, Дмитрій вышелъ, а старикъ вынулъ ключъ изъ-за пояса и отперъ сундукъ. Онъ долго искалъ что-то между бумагами и вещами, пока изъ одного угла не вытащилъ маленький кошелекъ. Онъ вынулъ изъ него нѣсколько талеровъ, а остальные опять свряталъ въ сундукъ и заперъ его на ключъ. Лицо его опять приняло спокойное выраженіе, только брови его нѣсколько были нахмурены. Онъ прицѣпилъ саблю, взялъ кинжалъ и заложилъ его за пазуху, зарядилъ пистолеты, нѣсколько патроновъ вложилъ въ карманы своихъ шароваровъ и почти все кончилъ, когда въ дверяхъ показалась женщина и остановилась на порогѣ, смотря на эти приготовленія.

— Что это значитъ, отецъ?—спросила она.

Старикъ обернулся къ ней и съ улыбкой отвѣчалъ:

— Э, ничего! Старику блажь пришла въ голову: на конѣ хочется потрястись.

Онъ думалъ обмануть свою дочь, но та недовѣрчиво покачала головой. Старикъ смотрѣлъ на нее, стараясь казаться веселымъ.

Дочь князя была прекрасно сложена. Лицо ея, хотя и загорѣлое, было нѣжно, а большіе черные глаза, съ густыми бровями, изогнутыми, какъ у отца, выражали сильный характеръ и чувство. Черные волосы, заплетенные въ четыре косы, упали съ плечъ до ногъ. Нѣжныя, необыкновенно маленькія руки ясно говорили, что онѣ не созданы для черной работы. Княжна была въ простомъ, но хорошо шитомъ платьѣ.

Въ этой дѣвушкѣ, несмотря на ея простой нарядъ, нельзя было не замѣтить, что она вся проникнута была сознаниемъ своего достоинства: такъ высоко держала она свою головку и такая гордая улыбка играла на ея вздернутыхъ губкахъ. Видно было, что шейка ея не привыкла нагибаться, какъ уста не привыкли просить, а глаза плакать. Она никому не рассказывала о своихъ страданіяхъ, и если бы они грызли ея сердце, она сумѣла бы скрыть ихъ, какъ нѣкогда спартавецъ спряталъ украденную лисицу.

Такова была княжна Евфросинія. Отецъ любилъ ее, братья угождалъ и уважалъ ее, а чужіе рѣшительно боялись ея.

— Ты скрываешь отъ меня истину, отецъ, — сказала она. — Дмитрій только что пріѣхалъ, лошадь еще кормятъ, а ты уже хочешь ѣхать. Нѣтъ, это не безъ причины. Скажи же мнѣ, что случилось?

— Пока еще ничего не случилось, но можетъ случиться; надо предупредить опасность.

Евфросинія наморщила брови.

— Развѣ дѣло проиграно?

— Нѣтъ, но насъ могутъ продать; скажу тебѣ все, отъ тебя нечего таить.

— Это лучше всего. Я твоя дочь и ничего не испугаюсь.

— Грыничъ, кажется, хочетъ продать насъ Холупскому; наши бумагу въ его рукахъ. Ты повѣришь моей догадкѣ, если я тебѣ скажу, что онъ совѣтовалъ намъ помириться.

— Такъ ты ѣдешь взять бумаги?

— Или жизнь,—прибавилъ отецъ:—убью собаку, если онъ мнѣ не отдастъ ихъ.

— Лучше пусть ѣдетъ Дмитрій. Тебѣ, старику...

— Дмитрій еще молодъ и нуженъ на свѣтѣ, а я старикъ и гожусь только тамъ, гдѣ нужно рисковать головою. Завтра онъ будетъ пахать, а я поѣду.

— Отецъ!—вскричала Евфросинія, подходя къ нему и цѣлуя его руку,—Бога ради, будь остороженъ!

— Не бойся, не бойся, дитя мое.

Князь поцѣловалъ дочь въ лобъ, сѣлъ въ кресло и крѣпко задумался.

— Если бы я гдѣ-нибудь погибъ,—сказалъ онъ,—то помни, Евфросинія, что вы должны охранять честь нашего имени. Не продавайте его.

— Мы умремъ прежде.

— Умирать не надо,—прибавилъ князь,—а надо жить и бороться.

Послѣ минутнаго молчанія послышался подъ окнами топотъ лошади. Старикъ всталъ съ кресла и, думая успокоить Евфросинію, принялъ на себя веселый видъ.

— По крайней мѣрѣ я подышу свѣжимъ воздухомъ да проѣдусь,—сказалъ онъ.—А то, признаться, мнѣ уже наскучило жить подъ этой соломенной крышей да пахать землю. Я почти радъ этому случаю. Будь здорова!

— Отецъ,—проговорила дочь,—умоляю тебя, будь остороженъ и береги себя!

— О! не беспокойся, со мною ничего не случится... Завтра утромъ я буду въ Луцкѣ, а вечеромъ, быть можетъ, вернусь и домой.

— Мы будемъ ожидать тебя къ ужину.

— Хорошо, если будетъ что поужинать,—сказало старикъ, лукаво улыбаясь, и взялъ шанку со стола.—Скажи-ка Дмитрію, чтобы онъ сходилъ утромъ на охоту, потому что говядина теперь дорога. Впрочемъ, вы все-таки не ожидайте меня къ ужину: неизвестно, какъ долго я пробуду въ Луцкѣ. Надо вѣдь прискаты кого-нибудь на мѣсто Грынча.

Поправивши на себѣ кожаный поясъ, старикъ вышелъ въ

сѣни, въ сопровожденіи дочери. У крыльца стоялъ Дмитрій, держа за уздечку осѣдланнаго коня. Старая лошадь какъ будто знала, что должна везти своего господина, потому что тотчасъ заржала, какъ только увидѣла старика. Молча князь Евстафій сѣлъ на лошадь, выпрямился, поправилъ шпанку и, простившись съ дѣтьми, уѣхалъ.

Дмитрій и Евфросинія долго смотрѣли вдаль за уѣзжавшимъ отцомъ, потомъ молча сѣли на скамейку. Солнце уже заходило. Тишина распространилась вездѣ, только птицы щебетали... Евфросинія первая прервала молчаніе.

— Я беспокоюсь объ отцѣ, Дмитрій, — сказала она со вздохомъ.

— И я тоже; я не пустилъ бы его одного, если бы у меня была лошадь.

— Лошадь можно взять у Выджги.

— Но какъ же оставить тебя одну?

— Ха-ха! какъ будто это въ первый разъ. Что можетъ со мною случиться? Да если бы что и случилось, такъ развѣ я не сумѣла бы найтись? Насъ двое, — я и Магда; да мы хоть съ татарами сразимся; вѣдь мы не трусливаго десятка. Въ самомъ дѣлѣ, сходи-ка къ Выджгѣ и попроси у него лошадь.

— Но отецъ велѣлъ остаться...

— Я беру на себя отвѣтственность за непослушаніе. Самъ же ты говоришь, что боишься засады. Конечно, князь Евстафій не струситъ и четверыхъ, но вѣдь тутъ надо будетъ сражаться съ хитростью. Иди же къ Выджгѣ за лошадью.

Едва она успѣла проговорить эти слова, какъ за плетнемъ послышалось привѣтствіе: „добрый вечеръ, князья!“ и изъ-за частокола показалась лысая голова.

— А вотъ и самъ Выджгѣ; какъ будто чувствовалъ, что онъ намъ нуженъ! — быстро проговорила Евфросинія и, сбѣжавши съ крыльца, прибавила:

— Добро пожаловать...

— А князь Евстафій? — спросилъ Выджга.

— Поѣхалъ въ Луцкъ.

Говорившій за плетнемъ скрылся и черезъ минуту снова показался и вошелъ во дворъ. Это былъ старикъ довольно толстый, румяный, съ веселымъ лицомъ и длинными усами. Онъ

былъ въ лѣтней полотняной сермягѣ, въ сапогахъ поверхъ штановъ и съ рогатиной въ рукахъ.

Выджга, сосѣдь князя Евстафія, такой же бѣднякъ, какъ и тотъ, и также происходившій отъ стариннаго рода, одинъ оставался другомъ обѣднѣвшей княжеской фамиліи. Правда, и его житье было незавидно, но ему принадлежала часть деревушки, и вслѣдствіе этого обстоятельства его положеніе было далеко лучше того, въ какомъ находились Голубы.

Смотря каждый день на благородное мужество, съ которымъ старый князь переносилъ униженіе своего рода, онъ сталъ питать къ нему полное уваженіе и сдѣлался искреннимъ другомъ. Онъ готовъ былъ служить ему всѣмъ, даже кошелькомъ, но Евстафію неохотно просилъ, еще неохотнѣе принималъ услуги. Старикъ чѣмъ дѣлался бѣднѣе, тѣмъ становился щекотливѣе.

— Добрый вечеръ!—сказалъ Выджга, подходя къ молодымъ людямъ и махая въ знакъ привѣтствія шапкой. — А старый князь, говорите вы, отправился въ Луцкъ?

— Да, только что уѣхалъ.

— Что-жъ такъ скоро? Онъ объ этомъ ничего не говорилъ. Да и князь Дмитрій не больше часа, какъ вернулся изъ города. Значитъ, случилось что-нибудь недоброе?

— Кажется, адвокатъ нашъ хочетъ продать насъ,—замѣтила Евфросинія.—Чуть ли отецъ не поѣдетъ и поѣхалъ.

— А! понимаю... Онъ хочетъ обрѣзать ему уши, тысяча чертей! И хорошо сдѣлаетъ. Худо только, что онъ на ночь выѣхалъ.

— И мы тоже думаемъ; да что же дѣлать! Хуже всего, что онъ поѣхалъ одинъ, а Дмитрій, если бы и хотѣлъ, такъ не могъ, потому что не на чемъ.

— Distinguo, нѣтъ лошади?

— Да, почтеннѣйшій Выджга!

— А почему же, тысяча чертей, не прислалъ ты ко мнѣ за момъ воронымъ? Неужели по-пріятельски ожидалъ, чтобъ я самъ догадался? А если бы я не догадался? тысяча чертей! А если бы съ отцомъ, Боже упаси, случилось какое-нибудь несчастье? Княжнѣ Евфросиніи извинительно... она женщина...

— Не хотѣлось надоѣдать вамъ,—сказалъ Дмитрій.—Да и сестру одну нельзя было оставить.

— А отца пустить одного можно! Видишь, князь, если бы я теперь не зашелъ къ вамъ, вы бы только переливали изъ пустого въ порожнее да тратили время. Охъ, ужъ вы мнѣ съ вашими церемоніями! И обѣднѣли, а все-таки не отстаете отъ нихъ. Пора уже, кажется, и перемѣниться, тысяча чертей! Я сейчасъ схожу за лошадыю, — прибавилъ Выджга. — На моемъ ворономъ ты, князь, догонишь отца, хотя бы онъ и за пять верстъ былъ отсюда.

— Нѣтъ, панъ Выджга, — возразила княжна, — лучше вы посидите да отдохните, а Дмитрій самъ сбѣгаетъ за нею, если позволите.

— Ну, развѣ можно князю идти за лошадыю?

Дмитрій только усмѣхнулся на это ироническое замѣчаніе и, перелѣзши черезъ плетень, полетѣлъ, что называется, стрѣлою, къ усадьбѣ Выджги, которая только плотиной и мельницей отдѣлялась отъ княжескаго домика. Евфросинія и старый шляхтичъ остались на крыльцѣ.

Пока Дмитрій сѣдлаетъ вороного, а Выджга разговариваетъ съ Евфросиніею о сѣновосѣ, приговаривая за каждымъ словомъ: «тысяча чертей», мы возвратимся къ старому князю, который рысцою пробирался въ Луцкъ.

Тридцать верстъ надо ему было проѣхать, чтобы достигнуть древней столицы Волыни. Дорога къ ней шла черезъ лѣса, которые тогда были еще страшнѣе и огромнѣе, нежели теперь. Дорога эта хотя была широкая, но неровная и съ частыми ухабами, такъ что и верховому трудно было ѣхать по ней. Евстафій хорошо зналъ дорогу, по которой ѣздилъ весь вѣкъ свой, и не боялся онъ наступавшей ночи, однако жъ часто посматривалъ на западъ, желая засвѣтло доѣхать до постоялаго двора, находившагося въ десяти верстахъ отъ Голубцизны. Между тѣмъ, солнце сѣло и теперь путнику одна луна освѣщала дорогу, а до Майданицы (такъ назывался этотъ постоянный дворъ, стоявшій на полянѣ въ лѣсу) было еще добрыхъ верстъ пять.

Пустивши лошадь рысцою, князь Голубъ вынулъ изъ-за пазухи молитвенникъ и началъ молиться. Тишина стараго сосноваго лѣса и тихій вечеръ произвели на душу старика, вмѣстѣ съ молитвою, успокоительное дѣйствіе; несмотря на без-

покоившее его дѣло, онъ успокоился, вздохнулъ и задумался среди молитвы. Буланая лошадка его, между тѣмъ, выбирала лучшія тропинки и быстро несла всадника.

На дорогѣ не видно было ни одной живой души. Переѣхавши поляну, покрытую молодымъ березнякомъ, путешественникъ опять углубился въ лѣсъ. Вдали уже видѣлась Майданица, показалось и нѣсколько повозокъ на дорогѣ. Дѣлалось все темнѣе, а на сѣверо-западѣ показались блѣдныя звѣзды.

Старый князь такъ задумался, что и не замѣтилъ, какъ мимо его промчалась колымага, запряженная шестерикомъ, державшая путь въ ту сторону, куда онъ ѣхалъ. Черезъ минуту, когда колымага проѣхала, Евстафій посмотрѣлъ на нее и вдругъ покраснѣлъ. Глаза его загорѣлись, губы сжались; онъ ударилъ нагайкой по лошади, поскакалъ слѣдомъ за колымагой. Въ ней сидѣли двое мужчинъ и одна женщина. Нѣсколько гайдуковъ ѣхали сзади.

У постоялаго двора поѣздъ этотъ остановился; князь Голубъ такъ же, но только немного поодаль. Въ колымагѣ, казалось, совѣтовались, ѣхать ли дальше, или оставаться здѣсь ночевать. Наконецъ совѣтъ ѣхать дальше взялъ верхъ надъ приглашеніями жида, и колымага покатила еще скорѣе прежняго.

Евстафій остался.

— Здравствуйте, князь, — сказалъ Мошко, увидавши старика и приподнимая нѣсколько ермолку. — Хотя бы вы переночевали у меня.

— Пожалуй, — сказалъ онъ. — А куда это тѣ поѣхали?

— Князья? — спросилъ жидъ.

— Какіе князья?

— Такіе же, какъ и вы. Вѣдь это ваши радственники, — прибавилъ Мошко.

— Не смѣй ихъ называть такъ. Это хамы, а не князья. Они такіе же мнѣ родственники, какъ и ты, и больше принадлежать къ вашему племени; но куда же они поѣхали?

— Куда? Можете сами догадаться — въ Луцкъ.

— А гдѣ будутъ ночевать?

— Вѣроятно, въ Рожищахъ.

Голубъ вошелъ въ конюшню съ лошадыю, бормоча что-то себѣ подъ носъ.

„Догоню и еще перегоню их“, — говорилъ онъ, но такъ, что никто этого не слыхаль, — „если выѣду завтра рано. Ужъ не къ Грыничу ли они ѣдутъ покупать наше имя? Это было бы хорошо: я во-время помѣшалъ бы ихъ торгу“.

Разсѣдлавши буланого и бросивши ему вязанку сѣна, старикъ вошелъ въ комнату и сѣлъ за столъ. Въ это время пріѣхаль Дмитрій, и, какъ только отецъ увидѣлъ его, тотчасъ закричалъ:

— А ты зачѣмъ здѣсь?

— Я? Евфросинія принудила меня ѣхать за тобою, отецъ, а я не заставилъ себя долго упрашивать, потому что самъ видѣлъ необходимость этого. Выдга далъ мнѣ лошадь.

— Напрасно, Дмитрій, напрасно! Но если ужъ такъ сдѣлалось и ты пріѣхаль, то лучше останься: ты мнѣ пригодись. Холупскіе только что проѣхали здѣсь, должно-быть въ Луцкѣ.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— Вѣроятно, къ Грыничу. Знаешь ли, что? Лошадь у тебя еще не устала: отправляйся за ними и не спускай ихъ съ глазъ. Завтра утромъ и я буду въ Луцкѣ.

— Ёду, — сказалъ Дмитрій, взявшись за шапку.

— Да, да поѣзжай; только не попадайся имъ на глаза, а слѣди за ними издали. Завтра чуть свѣтъ и я буду въ дорогѣ. Они хотѣли ночевать недалеко отсюда, въ Рожищахъ, поэтому ты найдешь ихъ на ночлегѣ. Смотри же, не отставай отъ нихъ ни на шагъ, особенно въ Луцкѣ.

Дмитрій закутался въ плащъ, такъ какъ ночь была холодна, и поѣхаль дальше, а старикъ, послѣ скромнаго ужина, пошелъ спать на сѣно и чуть свѣтъ былъ уже въ дорогѣ.

Солнце было уже высоко, когда Евстафій прибылъ въ Луцкѣ и, миновавъ Грязный переулочъ, выѣхаль на площадь, на которой впослѣдствіи построена была великолѣпная церковь и монастырь во имя Св. Троицы. Подъѣзжая къ Базильянскому мосту, онъ все оглядывался, надѣясь увидѣть или кого-нибудь изъ свиты своего противника, или своего сына, но никого не замѣтилъ. Черезъ тѣсные ряды повозокъ (въ этотъ день была ярмарка) онъ проѣхаль на рынокъ стараго города. Остановившись у дверей небогатаго постоялаго двора, находившагося не-

далеко отъ моста, старикъ слѣзъ съ лошади, отдалъ ее жиду и тотчасъ же ушелъ.

Квартира адвоката Грынича, взявшаго на себя дѣло Голубовъ, была недалеко отъ замка. Къ нему-то теперь и пошелъ старый князь. Въ одномъ переулкѣ онъ встрѣтился съ сыномъ. Дмитрій былъ блѣденъ, какъ полотно.

— Что съ тобою?—спросилъ князь.

— Все кончено...

— Грыничъ?

— Грыничъ измѣнилъ намъ.

— Почему ты такъ думаешь?

— Съ самаго утра онъ толкуеть съ Холупскими.

— Дома онъ?

— Дома.

— И они съ нимъ?

— Одинъ только изъ ихъ служителей.

— Тѣмъ лучше. Ступай къ Аврааму и ожидай меня.

— Я пойду съ тобой, отецъ.

— Ты мнѣ не нуженъ. Иди и сжидай меня.

— Кто знаетъ, чѣмъ все это можетъ кончиться?—сказалъ сынъ.—Для чего же я и ѣхалъ, если въ такую минуту долженъ оставить тебя одного?

— Приказываю тебѣ идти.

Сказавши это, князь быстро пошелъ по улицѣ, а Дмитрій, какъ вкопанный, остался на мѣстѣ.

Домикъ Грынича былъ прислоненъ къ стѣнѣ, которая соединяла нѣкогда два замка. Домикъ этотъ былъ очень бѣденъ, но въ немъ, какъ говорили, находилось много богатства, хотя адвокатъ тщательно скрывалъ его отъ людскихъ глазъ. Нѣсколько кустарниковъ заслоняли окна; закоптѣлыя трубы возвышались надъ дырявой гонтовой крышей. Стѣны домика были очень невысоки и имѣли съ каждой стороны по одной двери и по два окна. Направо, гдѣ жилъ Грыничъ, окна были полуоткрыты и давали возможность слышать разговоръ, который шелъ между Грыничемъ и какимъ-то господиномъ. Старый князь подошелъ къ домику нѣкъмъ незамѣченный и остановился на крыльцѣ. Здѣсь онъ хорошо могъ слышать разговоръ, который слышенъ былъ на улицѣ.

— Теперь, кажется, дѣло кончено, — говорилъ одинъ голосъ.
— Что значить слово? Вѣтеръ. Нужна бумага, — отвѣчалъ другой голосъ.

— Слово честнаго человѣка...

— Вотъ выбралъ время толковать о честности!

— Что же дѣлать?

— То, что я говорилъ: другого средства нѣтъ. Эти варвары сорвутъ мнѣ голову.

— Не посмѣютъ.

— Посудите сами: вѣдь только это одно и осталось у нихъ; они придутъ въ отчаяніе, если это случится.

— Что-жъ дальше?

— Дальше? Я и теперь скажу то же, что говорилъ прежде: я подожгу домикъ, за который вы, разумѣется, мнѣ заплатите, а вмѣстѣ съ нимъ сгорятъ и документы Голубовъ.

— Нѣтъ, милостивый государь, нѣтъ, вы должны отдать мнѣ въ руки эти документы.

— Этого я не сдѣлаю.

— Но вы дали слово!

— Никогда! А если-бъ и такъ, я беру слово назадъ.

— Вы хотите денегъ?

— Я, я, — проговорилъ голосъ изнутри, — я ничего не хочу; оставьте меня въ покоѣ.

— Послушайте, такъ дѣлать не дѣлаютъ: намъ нужны бумаги.

— А мнѣ какое дѣло?

— Милостивый государь! съ нами шутить нельзя.

— И со мною тоже.

Въ эту минуту старикъ съ шумомъ отворилъ дверь и, весь красный отъ гнѣва, вбѣжалъ въ комнату, изъ которой слышался разговоръ.

Адвокатъ, сухая, сгорбленная фигура, съ глазами на выкатѣ, съ крикомъ бросился назадъ. Другой, который разговаривалъ съ нимъ, плечистый мужчина, быстро поднялся съ кресла и схватился за саблю, но, увидѣвъ, что старикъ подходитъ къ Грыничу и не обращаетъ на него вниманія, быстро вышелъ изъ комнаты и скрылся.

Грыничъ бросился на колѣни и уставилъ глаза на князя.

— Подлецъ! гдѣ мои бумаги? — вскричалъ старый Голубъ.

У адвоката, что называется, отнялся языкъ.

— Слышишь ты?— повторилъ князь. — Жидъ! Иуда! отвѣчай, или я тебѣ раскрою ротъ. Гдѣ бумаги?

— Онѣ здѣсь, здѣсь! Я ихъ сейчасъ отдамъ тебѣ; онѣ въ другой комнатѣ,—проговорилъ Грыничъ, заикаясь. — Князь! пусти меня.

Евстафій схватилъ адвоката за воротъ и вытолкнулъ въ другую комнату.

— Бумаги!—крикнулъ онъ

— Вотъ онѣ, —говорилъ дрожащимъ голосомъ Грыничъ, вынимая свертокъ изъ столика. —Только не лишиай меня жизни.

Князь быстро пересмотрѣлъ бумаги, свернулъ ихъ, спрятавъ за пазуху и посмотрѣлъ на адвоката, который, блѣдный отъ страха, ползалъ у ногъ его. Голубъ толкнулъ его и плюнулъ ему въ лицо.

— Ты не стоишь того, чтобъ я тебя убилъ. Я не хочу марать сабли, а еще болѣе рукъ; но помни, Грыничъ, что есть Богъ: Онъ мститъ за невинно угнетенныхъ и караетъ продажныхъ. Ему я передаю судъ надъ тобою.

— Князь! клянусь Богомъ, я не хотѣлъ отдать имъ бумагъ твоихъ.

— Знаю, но ты хотѣлъ сжечь ихъ, а это для меня все равно.

— Меня соблазнили, клянусь Богомъ соблазнили, воспользовались моею слабостью; признаюсь въ этомъ откровенно и раскаиваюсь.

— Каешься, когда передъ глазами смерть.

Адвокатъ, повидимому, еще не совсемъ потерявшій совѣсть, поднялся съ земли.

— Послушай, князь, —сказалъ онъ, —ты мнѣ далъ урокъ, котораго я никогда не забуду. Мнѣ недолго осталось уже жить, но, клянусь спасеньемъ своимъ, послѣдніе годы моей жизни я употреблю на то, чтобы загладить этотъ поступокъ. Своимъ презрѣніемъ ты глубоко поразилъ меня. Я поднимусь изъ этой грязи.

И этотъ сгорбленный человѣчекъ выпрямился; но князь гордо и съ глубочайшимъ презрѣніемъ посмотрѣлъ на него и хотѣлъ выйти изъ комнаты. Адвокатъ удержалъ его въ дверяхъ.

— Чего ты хочешь отъ меня?—спросилъ Голубъ.

— Князь! прости! Я хочу исправиться.

— Исправься. Какое мнѣ до этого дѣло?

— Ради Бога, прости!

— Прощаю, но презираю тебя.

— Возврати мнѣ довѣренность.

— Это ужь слишкомъ!—вскричалъ старикъ.—Ты, кажется, шутишь со мной?

— Боже меня упаси! я говорю искренно. Повѣрь мнѣ... Я никогда не забуду этой минуты. Остатокъ жизни своей я посвящу на то, чтобы загладить все, что сдѣлалъ худого. Повѣрь мнѣ, я беру на себя твое дѣло и ручаюсь за успѣхъ его.

Слово „успѣхъ“ поколебало старика. Онъ ничего не сказалъ, однако, посмотрѣлъ на адвоката.

Грыничъ схватилъ князя и сталъ цѣловать его въ плечи. Слезы текли по его лицу.

— Ты имѣешь право не довѣрять мнѣ,—сказалъ онъ,—я обманулъ тебя, но эта минута меня совершенно измѣнила. Я теперъ только вспомнилъ о смерти, вспомнилъ о вѣчности и хочу быть честнымъ человѣкомъ, чтобы загладить зло. Князь! сжался надо мной.

— Если бы дѣло шло обо мнѣ,—отвѣчалъ старикъ,—такъ и быть, я повѣрлялъ бы тебѣ; но тутъ дѣло касается моего имени, моихъ дѣтей. Нѣтъ, нѣтъ!

И онъ прошелъ къ дверямъ.

Внезапный сгонъ сверкнулъ въ глазахъ адвоката.

— Князь! одно слово! Повѣрь мнѣ свое дѣло подь какой тебѣ угодно залогъ.

— Залогъ?

— У меня есть золота на сто тысячъ золотыхъ; возьми эти деньги, я вѣрю тебѣ.

— Надѣюсь,—гордо сказалъ Евстафій:—но что твои сто тысячъ противъ моихъ бумагъ? Не хочу.

— Я дамъ тебѣ росписку какую тебѣ угодно.

Князь началъ колебаться.

— Ну, такъ и быть,—сказалъ онъ наконецъ.—Ты подпишешься на бумагѣ, которую я напишу, а тамъ пусть будетъ воля Божья.

— Я подпишу, не читая ее,—вскричалъ Грыничъ и подалъ князю перо, бумагу и чернила.

Старый князь присѣлъ къ столу и долго составлялъ актъ, который потомъ и подалъ Грыничу. Адвокатъ, не прочитавши его, подписался и приложилъ свою печать.

— Нужны еще свидѣтели,—сказалъ Грыничъ и захопалъ въ ладоши.

Вошелъ оборванный слуга.

— Попроси ко мнѣ ксендза Иринея и пана Пухалу; они живутъ недалеко отсюда. Скажи имъ, чтобы они тотчасъ пришли, потому что намъ нельзя долго ожидать ихъ.

Евстафій сидѣлъ задумавшись, приложивши руку къ груди; передъ нимъ стоялъ адвокатъ, весь блѣдный; на лицѣ его выражалось безпокойство и нетерпѣніе.

Наконецъ отворились двери и ксендзъ съ Пухалой вошли въ комнату. Только что передъ этимъ они играли въ шашки и, войдя въ комнату Грынича, еще разговаривали между собой о послѣдней партіи.

— беру васъ въ свидѣтели,—сказалъ взволнованный Грыничъ, не поздоровавшись даже съ ними. — Предъ вами сидитъ князь Евстафій Голубъ. Онъ повѣрилъ моей честности и отдалъ въ мои руки документы, доказывающіе древность его рода. Другіе Голубы...

— Холупскіе,—перебилъ князь.

— Холупскіе какіе-то,—продолжалъ Грыничъ,—предъявившіе свои права на это имя, соблазнили меня и до того довели, что я, забывши Бога и совѣсть, хотѣлъ продать документы кліента. Теперь только я увидѣлъ низость моего поступка, сознаюсь въ немъ публично и общаю исправиться. Князь, ты возвратилъ мнѣ довѣренность, несмотря на мою измѣну; я долженъ обнять твои колѣни.

Грыничъ хотѣлъ упасть князю въ ноги, но старикъ, котораго глаза наполнились слезами, не допустилъ его до этого и сказалъ:

— Сознаніе преступленія—великое дѣло. Кто сознался во злѣ, тотъ можетъ загладить его.

— Да, я употреблю все средства, чтобы загладить преступленіе,—говорилъ Грыничъ.—Бога и васъ беру въ свидѣтели. Вотъ росписка, которую я даю князю и которую прошу васъ подписать.

Призванные свидѣтели не могли придти въ себя отъ изумленія. Они поглядывали то на стараго князя, то на Грынича, то другъ на друга. Наконецъ ксендзь Ириной молча взялъ перо и подписался; примѣру его послѣдовалъ и Пухала.

Голубъ вынулъ изъ-за пазухи документы и отдалъ ихъ Грыничу, взявши со стола росписку. Настало молчаніе, котораго никто не смѣлъ прервать. Грыничъ, обезсиленный тревогами дня, упалъ въ кресло; князь, между тѣмъ, поклонился и вышелъ.

Оставшіеся съ адвокатомъ свидѣтели сильно желали узнать причину такой внезапной перемѣны, однако, никто изъ нихъ не хотѣлъ первый начать разговора.

Ксендзь Ириной спросилъ себѣ стаканъ холодной воды, искоса поглядѣлъ на Грынича и кашлянулъ, какъ бы собираясь говорить. Грыничъ залился слезами.

— Что съ вами? — наконецъ спросилъ ксендзь.

— Что? я знаю, что случилось со мною минутоу назадъ. Смерть заглянула мнѣ въ глаза... О! я былъ великимъ злодѣемъ.

— Вы не въ своемъ умѣ, — сказала Пухала. — Гдѣ же ваши преступленія?

— Здѣсь, здѣсь, — вскричалъ адвокатъ, указывая на грудь. — Богу да мнѣ извѣстны они, но я долженъ или покаяться въ нихъ, или утопиться.

— Умныя рѣчи вы говорите, — прибавилъ ксендзь: — покаяніе все сглаживаетъ. Богъ не требуетъ безчестія для исправленія человѣка. Зачѣмъ говорить о томъ, что было?

— Для смиренія, для смиренія.

Ксендзь и Пухала, знавшіе хорошо Грынича, не могли понять этой внезапной перемѣны, происшедшей въ образѣ его мыслей, и только пожимали плечами. Наконецъ, ксендзь шепнулъ Пухалѣ:

— Пусть это будетъ между нами; не надо дѣлать огласки. Успокойтесь, — сказалъ онъ адвокату громко, — и приходите къ намъ на рюмку *hungaricum*, когда успокоитесь.

Грыничъ ничего не отвѣчалъ на это приглашеніе. Онъ сидѣлъ на своемъ стулѣ, опустивши голову, и горько плакалъ.

Между тѣмъ старый князь шелъ на свою квартиру. Онъ такъ былъ занятъ происшествіями дня, что не замѣтилъ, какъ

вслѣдъ за нимъ шелъ тотъ самый мужчина, котораго онъ видѣлъ у Грынича. Какъ только старикъ вошелъ въ домъ, незнакомецъ тотчасъ воротился назадъ, замѣтивши домъ.

Грыничъ еще сидѣлъ на томъ же мѣстѣ, когда въ дверяхъ его комнаты показался незнакомецъ.

— Ну, что?

Вопросъ этотъ вывелъ изъ задумчивости Грынича; онъ посмотрѣлъ на него блуждающими глазами, но ничего не сказалъ.

— Ты еще живъ?

Новое молчаніе.

— Гдѣ старикъ? Что случилось? Онъ взялъ бумаги?

— Взялъ,—отвѣтилъ адвокатъ.

— Вотъ тебѣ на! Новыя хлопоты! Зачѣмъ же ты отдалъ ихъ?

Адвокатъ горько усмѣхнулся.

— Вамъ хотѣлось, чтобы онъ убилъ меня; вы надѣялись потомъ взять то, что вамъ нужно?

— Что же намъ теперь дѣлать? Посоветуйте.

— Я вамъ теперь не совѣтникъ.

Гость покачалъ головою, а Грыничъ вынулъ изъ шкатулки нѣсколько свертковъ золота и бросилъ ихъ на столъ.

— Вотъ вашъ задатокъ. Лучше бѣ не касались къ нему мои руки. Возьмите его назадъ.

— Это не наши деньги.

— Возьмите, говорю вамъ, или я вышвырну въ окно; мнѣ не надо вашихъ денегъ.

— Съ ума вы сошли, что ли?—сказалъ гость серьезно.—
Послушайте..

Но адвокатъ отвернулся отъ него и быстро ушелъ въ кабинетъ, а гость, оставшись одинъ, собралъ деньги, пожалъ плечами и вышелъ изъ комнаты.

Въ одной изъ лучшихъ жидовскихъ гостиницъ стараго города остановился самозванецъ Голубъ, занявшій съ своими служителями почти все помѣщеніе. Первая и лучшая комната ея была безъ деревяннаго пола, но чисто выметена и усыпана пескомъ съ *татарскимъ зельемъ*. Въ ней даже накурено было ладаномъ и особеннаго состава смолой. Для неизбалованнаго вкуса нашихъ предковъ и это было куревомъ. За столомъ сидѣли двое мужчинъ и одна женщина. Они разговаривали между

собою потихоньку. Женщина почти не вмѣшивалась въ разговоръ; она больше слушала. Голубые глаза ея устремлены были на окно и улицу, а одной рукой она играла своими локонами.

Она была уже не первой молодости, но все еще хороша собой, насколько можетъ быть красиво лицо, лишенное выраженія нѣжности и ласковости. Взглядъ ея былъ довольно быстръ, хотя она была блондинка; она, какъ видно было, не обладала большимъ терпѣнiемъ,—о томъ можно было заключить изъ того, что у нея брови были нахмурены. По наряду она была замужней женщиной. Это была жена князя-самозванца.

Два ея товарища сидѣли на скамейкѣ другъ противъ друга. Одинъ изъ нихъ былъ тотъ самый мужчина, котораго мы видѣли у Грынича; другой Голубъ, или вѣрнѣе, Холупскiй, небольшого роста, приземистый человѣкъ, съ синевато-краснымъ лицомъ, черными усами и длинными вьющимися волосами. Лѣвая рука у него была отнята по локоть, такъ что пустой рукавъ его кафтана бился по боку. Для полноты портрета скажемъ, что природа надѣлила его маленькими сѣрыми глазками, рѣдкими бровями, сухимъ костлявымъ лицомъ и низкимъ лбомъ.

— Стало быть, панъ Мурдельо, намъ надо начинать *de novo*?

— Кажется, Грыничъ или съ ума сошелъ, или ему кто-нибудь подсыпалъ чего-нибудь... по-крайней-мѣрѣ, онъ не хочетъ быть нашимъ совѣтникомъ.

— Что жъ теперь дѣлать?

— Что дѣлать? Ожидать процесса, защищаться и золотомъ замѣнить документы.

— Если бы это было возможно! Но трибуналъ? Кто его знаетъ? Быть можетъ, велитъ намъ записаться въ податные.

— Что же ты намѣренъ дѣлать, князь?

— Знаешь ли что? Не поговорить ли намъ съ этимъ старикомъ? Быть можетъ, онъ приметъ наши условія.

— Никогда: это камень, а не человѣкъ.

— Но онъ и голъ, какъ камень.

— Нѣтъ, онъ гордъ.

— Гордость чрезъ дыры выходитъ.

— Въ такомъ случаѣ, ей давно ужъ пора бы выйти; однакожъ, старикъ не перестаетъ поднимать голову.

— Все-таки попробовать не мѣшаетъ.

— Конечно, — сказала жена князя, вмѣшиваясь въ разговоръ. — Нечего не значить встрѣтиться съ нимъ и поговорить.

— Только я не берусь передать ему ваше предложеніе.

— Вы всегда что-нибудь выдумываете, панъ Мурдельо, а дѣло тутъ ясно. Вмѣсто того, чтобы судиться съ нимъ да тратить деньги въ судахъ, не лучше ли жить съ нимъ въ мирѣ и отдать эти деньги ему? Я бы съ охотою подарилъ ему три деревни, которыя принадлежали Голубамъ и которыя я купилъ.

— Вы не знаете его, князь, если думаете, что онъ соблазнится на ваши деньги.

— Но я ничего не хочу отъ него. Пусть онъ только позволить мнѣ носить его имя. Притомъ же я желаю доказательства, что прадедъ мой перемѣнилъ фамилію и что мы, какъ и онъ, происходимъ отъ настоящихъ русскихъ князей.

— Это вамъ такъ кажется, а ему совсѣмъ иначе.

— Однако, онъ меня не знаетъ! — сказалъ вдругъ Холупскій.

— Кажется.

— Такъ я самъ къ нему пойду. Гдѣ онъ остановился? Проводите меня. Не съестъ же онъ, наконецъ, меня!

Мурдельо былъ пораженъ.

— Любезный князь! Вы идете на вѣрную смерть, — замѣтилъ онъ.

— Какъ такъ? Неужели онъ нападетъ на меня?

— Въ этомъ нечего и сомнѣваться.

— Вы съ ума сошли!

— Пусть князь идетъ, — вмѣшалась жена. — Только надо взять людей и соблюдать осторожность.

Мурдельо пожалъ плечами и вышелъ, чтобы созвать людей.

Черезъ нѣсколько минутъ, отъ гостиницы, гдѣ остановился Холупскій, до постоялаго двора, въ которомъ помѣстился Голубъ съ сыномъ, потянулась длинная процессія, въ срединѣ которой шли Холупскій и Мурдельо. Когда они подошли къ двери гостиницы Авраама, гайдукъ спросилъ о князѣ, и тотчасъ же на порогѣ показался нашъ старикъ, гордый и величественный даже въ своемъ простомъ нарядѣ. Холупскій пришелъ въ большое замѣшательство, когда посмотрѣлъ на ростъ

князя и встрѣтился съ его взглядомъ, и очень былъ бы радъ отретироваться назадъ. Но дѣлать было нечего: вернуться стыдно; онъ снялъ шапку и, вѣжливо протянувши руку, подошелъ къ нему.

— Позвольте, дорогой князь...

— Кого имѣю счастье видѣть?—спросилъ Евстафій.

— Князь Константинъ Голубъ.

— Вздоръ!—вскричалъ старикъ, приходя въ гнѣвъ. — Я, да сынъ мой имѣемъ право носить имя Голубовъ, а больше никто.

Холупскій, держа шапку въ рукѣ, не зная, что дѣлать.

— Это разсудить трибуналь,—сказалъ онъ наконецъ.— Но не лучше ли намъ поговорить объ этомъ дѣлѣ наединѣ? Можетъ быть, мы погончимъ его миролюбиво и безъ суда.

— Господинъ Холупскій!—сказалъ князь:—я готовъ говорить обо всемъ среди улицы, потому что не знаю за собой ни одной подлости, ничего такого, что нужно было бы скрывать отъ людей. Будемте говорить здѣсь...

Холупскій покраснѣлъ и топнулъ ногой.

— Вы безчестите меня,—сказалъ онъ.

— Пусть будетъ и такъ,—отвѣчалъ князь.

— Вы оскорбляете меня.

— Въ самомъ дѣлѣ?

— О, такъ вынимайте же саблю!—вскричалъ Холупскій, хватаясь за эфесъ своей сабли.

— Дворянинъ сражается только съ дворяниномъ,—гордо возразилъ князь. — А если вамъ угодно получить отъ меня по спинѣ палкой, то я готовъ услужить вамъ.

Едва старикъ успѣлъ договорить послѣднія слова, какъ Мурдельо, Холупскій и вся его свита бросились на него. Изъ гостиницы выбѣжалъ Дмитрій, и они оба, прислонившись къ воротамъ постоялаго двора, вынули сабли. Ихъ всего было двое, а съ Холупскимъ, кромѣ Мурдельо, шестеро гайдуковъ. Но старикъ превосходилъ ихъ всѣхъ и ростомъ, и силою, и ловкостью.

Дмитрій сражался около отца. Холупскій размахивалъ только саблей и прятался за своихъ, Мурдельо кричалъ, заохочивалъ, но также пятился назадъ, а два гайдука, подскочившіе къ Голубамъ и думавшіе нанести имъ ударъ, сами получили по ушамъ и съ окровавленными лицами отошли въ сторону, не

вмѣшиваясь болѣе въ дѣло. Они подняли крикъ, сбѣжался народъ, и Авраамъ захлопнулъ двери гостиницы. Холупскій ушелъ, ругаясь на чемъ свѣтъ стоитъ и размахивая саблей. Голубамъ ничего не сдѣлали и старикъ сталъ отъ души смѣяться, когда увидѣлъ, что враги отступаютъ.

— Ай да храбрецы, ай да дворяне!—закричалъ онъ тагъ, что слышно было на противоположномъ концѣ улицы.—Только нашумѣли. Хотѣлъ было сегодня ѣхать, но, такъ и быть, не поѣду, чтобы не подумали, будто я боюсь ихъ. Разсѣдай, Дмитрій, лошадь.

Холупская видѣла все это происшествіе изъ окна своей квартиры и встрѣтила мужа со смѣхомъ, когда онъ вернулся назадъ съ окровавленными гайдуками и приведенный въ бѣшенство отъ неудачи. Она пожала плечами и отвернулась, когда мужъ заговорилъ съ ней.

— Теперь осталось еще проиграть дѣло въ судѣ, — сказала она.

— Нищимъ сдѣлаюсь, а выиграю!—вскричалъ Холупскій, садясь и отирая потъ съ лица.

— Ну, что! не говорилъ ли я вамъ, что не слѣдовало ходить?—замѣтилъ Мурдельо.

— Что же онъ мнѣ сдѣлалъ?

Мурдельо пожалъ плечами, посмотрѣлъ на Холупскую и замолчалъ. Черезъ минуту онъ ушелъ въ городъ.

Былъ вечеръ уже, когда Мурдельо съ веселымъ лицомъ вернулся назадъ и отдалъ какую-то бумагу Холупскому. Тотъ тоже повеселѣлъ, какъ только посмотрѣлъ на нее.

— Вотъ молодецъ!—вскричалъ онъ: — люблю! Теперь онъ въ нашихъ рукахъ. Увидимъ, что-то запоетъ онъ, когда мы отнимемъ у него домъ.

— Лишь бы не военную пѣсню.

Оба они отошли въ уголъ.

— У меня родилась новая мысль, — сказалъ потихоньку Холупскій.

— Слушаю.

— Онъ отобралъ бумаги?

— Такъ по крайней мѣрѣ говорить адвокатъ, а ему не зачѣмъ лгать.

— Эти бумаги должны быть въ рукахъ нашихъ.

— Ихъ двое,—сказалъ Мурдельо.

— А насъ шестеро... лѣсъ темный...

— Однакожь, они двое справились съ нами восьмерыми и еще прогнали насъ.

— Это другое дѣло! Теперь мы засядемъ въ лѣсу и нападёмъ на нихъ, когда они остановятся на ночлегъ.

Мурдельо искривилъ ротъ.

— Ужь не совѣстишься ли ты? Развѣ я виновать, что онъ не хочетъ мириться? А мнѣ надо же защищать свое имя и собственность.

Мурдельо усмѣхнулся.

— Ты не согласенъ на это?

— На засаду? Нѣтъ: вещь опасная. Лучше подговорить жида и гайдуковъ; а намъ зачѣмъ мѣшаться въ это дѣло?

— Это правда; въ самомъ дѣлѣ, лучше сдѣлать такъ. Пойдемъ посоветоваться. Увидимъ, чья возьметъ, когда у него не будетъ ни дома, ни бумагъ.

— Увидимъ,—сказалъ Мурдельо, задумавшись.

Между тѣмъ, князь Голубъ съ сыномъ остались ночевать въ Луцкѣ; они не замѣтили, что нѣсколько людей Холупскаго отпавились впередъ и только на слѣдующій день выѣхали изъ Луцка. Вечеромъ того же дня они могли бы быть дома, но дѣло въ томъ, что буланый вдругъ началъ сильно хромать, такъ что старикъ принужденъ былъ ѣхать шагомъ. Дмитрій не оставлялъ отца, хотя вороной такъ и рвался домой. Нѣсколько разъ отдыхали, осмотрѣли всѣ четыре ноги буланого, но въ копытахъ ничего не нашли.

Медленно ѣхали наши путешественники и только къ ночи едва-едва дотащились до Майданицы, но, вѣроятно, поѣхали бы и дальше, если бы жидъ, замѣтивши, что лошадь хромаетъ, не уговорилъ ихъ отдохнуть, а потомъ и переночевать.

На постояломъ дворѣ никого не было, кромѣ жида, жида и ихъ дѣтей; но остатки кушанья и свѣжее сѣно въ ковюшнѣ ясно говорили, что отсюда кто-то только что выѣхалъ. Наши путешественники совершенно были спокойны, потому что имъ и въ голову не приходило, чтобы кто-нибудь ниѣлъ противъ нихъ умыселъ. Она безопасно расположились въ

комнатѣ. Старикъ снялъ съ себя саблю и поставилъ ее въ углу, оставшись при одномъ кинжалѣ. Дмитрій пошелъ къ лошадямъ.

Въ это время къ старому князю подошелъ жидъ и сталъ выхвалять предъ нимъ свой медъ.

— Оставь меня въ покоѣ!— сказалъ князь.— Было время, когда я пивалъ и лучшіе напитки, а теперь... теперь пью воду да иногда рюмку водки; на лучшее нехватаетъ денегъ.

— А развѣ вы думаете, что я дорого возьму?

— Какъ бы ни дешевле былъ твой медъ, а я все-таки не стану пить его, потому что въ кошелькѣ пусто.

— Развѣ мнѣ нужны ваши деньги? — сказалъ жидъ, пожимая плечами.

— Какъ мнѣ твой кредитъ,— гордо отвѣчалъ князь.

— Ну, такъ даромъ,— говорилъ арендаторъ, приступая къ нему.— Я васъ, какъ гостя, попрошу выкушать стаканъ меда.

Отъ этихъ словъ въ душѣ старика родилось подозрѣніе, и онъ наотрѣзъ отказался отъ меда.

— Благодарю покорно, я не пью меда.

— Ну, такъ рюмку старой полыновки.

— Мнѣ что-то не здоровится, не хочу.

— Такъ это и кстати.

— У меня вода—лѣкарство.

Арендаторъ пожалъ плечами, вложилъ руки въ карманы и вышелъ изъ комнаты.

Предугадывая опасность, Евстафій опять прицѣпилъ саблю къ боку и усѣлся на скамьѣ, прислонясь плечами къ стѣнѣ и положивъ на столъ голову.

И жидъ и Дмитрій упрашивали князя, чтобы онъ сдѣлалъ себѣ постель изъ сѣна, но Евстафій рѣшительно сказалъ, что не ляжетъ. Дмитрію онъ велѣлъ лечь недалеко отъ себя. Потушивъ огонь, жида заперли въ спальнѣ; наступила тишина.

Было уже за полночь, когда старикъ, который всегда спалъ чутко, былъ разбуженъ шумомъ и разговоромъ, выходящимъ изъ сосѣдней комнаты. Онъ насторожилъ уши: арендаторъ съ кѣмъ-то шептался чрезъ окно, но въ чемъ состоялъ разговоръ, этого нельзя было слышать. Князь осторожно разбудилъ Дмитрія, и они оба поднялись съ своихъ мѣстъ и были наготовѣ. Черезъ минуту кто-то потихоньку началъ отворять

окно. Подъ нимъ что-то зачернѣло, а на дворѣ показалось нѣсколько тѣней. Это были люди Холупскаго. Когда одинъ изъ нихъ перебросилъ ногу чрезъ окно и поставилъ ее на скамью, стараясь влѣзть въ комнату, старикъ, не желая марать сабли, такъ хватилъ его стоявшей въ углу палкой, что тотъ навзничъ упалъ. Товарищи его, услышавъ крикъ, безъ оглядки пустились бѣжать. Дмитрій, не обращая вниманія на ихъ число, бросился за ними и поймалъ того, который получилъ ударъ. Дмитрій повалилъ его и придавилъ колѣномъ, опасаясь, чтобы онъ не ушелъ за своими товарищами.

Жидъ притворился спящимъ и упорно молчалъ.

Дмитрій не хотѣлъ выпустить изъ-подъ себя пойманнаго, а вмѣстѣ съ тѣмъ боялся, чтобы товарищи его, опомнившись, не пришли къ нему на помощь.

Старикъ отворилъ ворота и помогъ сыну втащить пойманнаго въ комнату, послѣ чего затворили двери, закрыли окно и зажгли огонь. Жидъ, повидимому, все спалъ, но, услышавъ оханья гайдука и разговоръ, онъ отперъ дверь и выбѣжалъ въ испугѣ. Старикъ стоялъ съ саблей, а Дмитрій вязалъ пойманнаго.

Когда разсвѣло, Голубы узнали въ пойманномъ того самаго гайдука, который вчера приходилъ къ нимъ съ Холупскимъ.

— А, это ты, любезнѣйшій! — сказалъ старикъ. — У тебя должна быть рана за ухомъ, потому что это тебя, кажется, я ударилъ вчера саблей, когда вы съ бариномъ своимъ приходили ко мнѣ въ гости.

И онъ отбросилъ ему волосы и, дѣйствительно, увидѣлъ за ухомъ рану.

— Хорошо же, — сказалъ старикъ. — Вотъ я доставлю тебя въ судъ; тамъ ты скажешь, зачѣмъ ночью лѣзъ къ намъ въ окно. Ты слушался своего барина, пусть же твой баринъ теперь и избавитъ тебя отъ висѣлицы.

Гайдукъ началъ плакать, просить помилованія и стонать. Боль ноги, которая ужасно распухла, а еще болѣе страхъ, выжимали у него изъ глазъ слезы.

— Князь! не веди меня въ судъ. Барину моему ничего не будетъ, а я погибну.

— И стоишь этого.

— Чѣмъ же я виноватъ? Я только исполнилъ приказаніе.

— А! такъ тебѣ велѣли?

— Охъ!.. Какже! и награду обѣщали, чтобъ имъ пропасть вмѣстѣ съ нею!

— Что же тебѣ приказано дѣлать?

— Напасть на васъ и отнять какія-то бумаги.

Старикъ усмѣхнулся.

— И жидъ былъ въ заговорѣ?—спросилъ онъ.

— Какже!—простоналъ гайдукъ.

— Ну, съ тебя и этого довольно,—сказалъ князь. — Впередъ наука, не ходи, куда не зовутъ. Теперь за жиду надобно приняться. Вотъ отчего онъ такъ усердно потчевалъ меня вчера медомъ! Не хочется только рукъ марать. Послушай, я все бы тебѣ простилъ, если бы ты смогъ отодрать жиду плетью.

Въ спальнѣ, куда скрылся жидъ, поднялся ужасный крикъ: жиденята, жидовки такъ завизжали, что со стороны можно было бы подумать, что ихъ рѣжутъ; а гайдукъ напрасно силлся встать на ноги.

— Какъ все это было?—спросилъ старикъ спокойно. — Кто тебя выслалъ и много ли васъ было? Говори, если хочешь остаться живымъ. О жидѣ послѣ потолкуемъ.

Гайдукъ сталъ рассказывать, какъ ихъ выслали изъ Луцка, обѣщая награду, если они достанутъ бумаги, и какъ подкупленный жидъ также присталъ къ нимъ.

— Слушай,—сказалъ Голубъ, бросая ему талеръ, — возьми этотъ талеръ и купи себѣ на него мази, а въ другой разъ не мѣшайся въ подобныя дѣла, потому что, можетъ статься, наскочишь на такого, который и голову съ тебя сорветъ.

— Прости мнѣ, князь, —сказалъ гайдукъ: — ты знаешь, что я сдѣлалъ это по приказанію своего барина.

Князь пожалъ только плечами, выглянулъ въ окно и, видя, что уже день, послалъ Дмитрія за лошадьми.

— Вашъ буланый хромаетъ, —проговорилъ гайдукъ. — Осмотрите его правую переднюю ногу. Мы нарочно перевязали ее конскимъ волосомъ, чтобы вы не могли быть сегодня дома.

— И жидъ зналъ объ этомъ?

— Да.

— Ну, такъ постарайся же выйти какъ-нибудь изъ комнаты, потому что я уѣду и подожгу постоянный дворъ.

Съ помощью палки, гайдукъ всталъ и вышелъ за ворота. Старый князь заперъ окна, обошелъ кругомъ домъ и, не обращая вниманія на крики жиденятъ и жидовокъ, вынесъ зажженную лучину и вложилъ ее въ крышу. Утренній вѣтеръ быстро раздулъ огонь, и въ скоромъ времени вся крыша была объята пламенемъ. Жидамъ можно было выйти, потому что Евстафій хотѣлъ только напугать ихъ; но имѣнїе ихъ все сгорѣло. На дворѣ стоналъ гайдукъ и визжали жиденята, а наши путешественники галопомъ поѣхали домой.

Однако, оба они были не веселы и, казалось, крѣико о чемъ-то думали. Евстафій наморщилъ брови и не заговаривалъ съ сыномъ. Такъ поѣхали они нѣсколько верстъ, не говоря ни слова; наконецъ старикъ, глубоко вздохнувъ, сказалъ:

— Евфросинѣ не говори ни слова о случившемся; она могла бы безпокоиться, а теперь рѣшительно не о чемъ. Однако, долго ли насъ будетъ преслѣдовать этотъ человѣкъ?

— Богъ за правое дѣло, отецъ.

— И я на Него надѣюсь. Холупскій не уступить, я это знаю, но и я также. Смерть одного изъ насъ рѣшить дѣло.

Такъ разговаривая, путники подѣхали къ воротамъ своего дома. Евфросинія съ прялкой сидѣла на крыльцѣ. Красота ея еще болѣе выигрывала отъ этого деревенскаго занятія. Можно было подумать, что это гомерова героиня, приготовляющая ткань для греческихъ воиновъ. Увидѣвши отца и брата, молодая дѣвушка бросила свою прялку, которая упала на землю, и съ улыбкой остановилась на порогѣ.

— Здравствуйте, здравствуйте! Я ожидала васъ къ обѣду, предчувствуя, что вы воротитесь сегодня. Но съ чѣмъ?

— Можетъ быть, ты и это предчувствовала? — спросилъ старый князь съ ласковой улыбкой.

— Почти.

Сказавши это, Евфросинія поцѣловала у отца руку, а Дмитрій ее въ лобъ.

— По лицу вашему вижу, — говорила она, входя въ домикъ, — что худого ничего нѣтъ.

— Напротивъ, даже много хорошаго, — подхватилъ старикъ. — Грыничъ прекрасный человѣкъ, общаетъ намъ выиграть дѣло и, можетъ быть, мы опять будемъ знамениты, какъ

нѣкогда мой отецъ. Можетъ быть, мы переживемъ свой упадокъ, ты выйдешь замужъ за богатаго человѣка, Дмитрій тоже женится.

— Мнѣ идти замужъ? — спросила Евфросинія. — Нѣтъ, отецъ, никогда. Я давно собираюсь въ монастырь служить Богу и молиться за васъ.

— Не говори мнѣ этого — у меня сердце обливается кровью — монастырь не для тебя.

Они вошли въ комнату, посреди которой стоялъ столъ, накрытый хотя и толстой, но бѣлой скатерью. Красный кувшинъ съ пивомъ, два стакана, нѣсколько разрисованныхъ мисокъ и для Евстафія серебряная ложка, искусно обдѣланная, составляли весь столовый сервизъ. Другія двѣ ложки, на вид черепаховыя, нѣкогда вызолоченныя, но теперь полинялыя, лежали на мѣстахъ Евфросиньи и Дмитрія.

— Садитесь же, — сказала молодая дѣвушка. — Обѣдъ у меня сегодня превосходный: литовское холодное, русскіе блины, а потомъ жаркое изъ серны. И короля можно было-бы угостить.

Сказавъ это, Евфросинія вышла, а старикъ сѣлъ, нарѣзалъ хлѣба, перекрестился и опустил голову на грудь.

— Магда! — послышался голосъ Евфросиніи: — подавай холодное.

Вслѣдъ за этимъ вошла въ комнату высокая и тощая старуха, съ добродушно улыбающимся лицомъ, неся въ рукахъ холодное.

Старая Магда, единственная служанка Голубовъ, нѣкогда вынянчившая Дмитрія и Евфросинію, пользовалась особенными правами въ домѣ своего господина. Она стала за стуломъ молодого князя и, добродушно улыбаясь, прибавила:

— Кушайте, кушайте, князя мои, и поблагодарите Магду, потому что я и раковъ для васъ достала.

Въ это время отворились двери, и въ нихъ показались брюхо и лысая голова Выджги.

— Миръ вамъ, — сказалъ онъ. — Э, тысяча чертей, вы обѣдаете! Я послѣ приду.

— Панъ Выджга! — заговорилъ Евстафій, вскакивая со стула: — войдите, войдите; не побрезгайте нашимъ обѣдомъ.

— Но какъ же это можно, тысяча чертей, прилѣзть во время обѣда!

— Позвольте, поблагодарить васъ за лошадь.

— За что тамъ благодарить! Хорошо ли вы съѣздили?

— Хорошо и успѣшно, отвѣчалъ старикъ. — Вашъ вороной ѣсть овесъ въ конюшнѣ: я не хотѣлъ отпустить его голоднымъ.

— А, тысяча чертей, вы и его угощаете. Но какъ же это? Я никакъ не предполагалъ, чтобы вы такъ поздно сѣли за столъ. Впрочемъ, такъ и быть, пообедаю и я съ вами А! и раки!

— Да, если Магда не умѣетъ теперь печь раковъ *), такъ покрайней мѣрѣ умѣетъ варить ихъ, — замѣтилъ шутливо князь.

— Все же это воспоминаніе о прошломъ, — сказалъ Выджга, усаживаясь: — *adulcis recordatio praeteritorum*, кромѣ, разумѣется, тѣхъ розогъ, которыя въ школахъ давали за *praeterita*. Это ужъ вовсе не *dulcis*. Ну, что слышно въ Луцкѣ? Не видались ли вы съ кѣмъ-нибудь?

— Кромѣ Грынича — ни съ кѣмъ.

— Что же онъ?

— Общается.

— Пустое! А заглянули ли вы ему въ глаза? Вѣрно, жи домъ смотреть.

— Нѣтъ, нѣтъ. Мы напрасно его подозрѣвали. Онъ теперь чистъ, какъ янтарь.

— Когда же, наконецъ, будетъ кончено ваше дѣло?

— Этого нельзя предвидѣть.

— Холуцкіе не поддаются?

— Они не оставляютъ отъ процесса, потому что миръ между нами невозможенъ, а я не отстану, пока они не откажутся отъ своихъ притязаній.

Въ эту минуту послышался на дворѣ топотъ лошади.

— Что бы это значило? — сказалъ удивленный старикъ.

— Кто-то ѣдетъ.

— Ко мнѣ? Быть не можетъ.

— Это Климовичъ.

— Климовичъ? Цѣлый годъ не видалъ. — сказалъ старикъ. — Я ему долженъ, а денегъ и до сихъ поръ у меня нѣтъ. Вѣрно, за ними пріѣхалъ. Жаль, что пива нѣтъ: онъ любитъ выпить.

Когда князь договаривалъ эти слова, въ дверяхъ показался

*) Печь раковъ — красѣтъ.

Климовичъ. Онъ былъ богатый человѣкъ, но незнатнаго происхожденія. Родители его когда-то служили у Голубовъ и у нихъ же обогатились. Климовичъ былъ извѣстенъ своей скупостью и теперь явился въ покрытомъ заплатками кафтанѣ. Онъ казался очень встревоженнымъ.

— А, здравствуй, садись.

Климовичъ отвѣсилъ низкій поклонъ, почесалъ затылокъ, прищурилъ одинъ глазъ, закусилъ лѣвый усъ и молчалъ.

— Вѣрно, нужны деньги, что такъ кисло смотришь?—спросилъ князь.

— Нѣтъ, нѣтъ... но...

— Что жъ такое? Если не деньги, то все получишь.

— Я пріѣхалъ просить у васъ извиненія.

— Въ чемъ?

— Я сдѣлалъ одну глупость, князь.

— Какую же?

— Совѣстно и говорить.

— Говори, потому что я никакъ не могу догадаться.

— Въ прошломъ мѣсяцѣ мнѣ такъ нужны были деньги, что я долженъ былъ продать ваше заемное письмо. Мнѣ и въ голову не пришло, чтобы изъ этого могла выйти какая-либо неприятность для васъ.

— Продалъ заемное письмо? — сказалъ князь, нахмурившись. — Ты имѣлъ на это право. Конечно, худо, но что же дѣлать? А кому?

— Я продалъ его Тарасовичу, а Тарасовичъ...

— А! такъ и тотъ продалъ? Вотъ какъ гуляетъ мое письмо! — прибавилъ старикъ, садясь на стулъ, повидимому, очень спокойно. — Кому же продалъ его Тарасовичъ?

— Онъ не тотчасъ его продалъ, потому что сперва старался достать себѣ право на владѣніе вашимъ имѣніемъ—вашей Голубицкой.

Князь пожалъ руку Климовича, думая заставить его замолчать, но было уже поздно. Шляхтичъ только вскочилъ, весь блѣдный, почувствовавъ пожатіе руки.

— Богъ свидѣтель, я не виноватъ.

— Виноватъ ли ты, или нѣтъ, все равно, продолжай. Кто же купилъ наше имѣніе?

Климовичъ замялся.

— Кто?—спросилъ опять князь.

— Легко догадаться кто, — прервалъ Выджга:—Холупскіе.

— Холупскіе!—повторили всѣ въ одинъ голосъ.

Климовичъ повѣсилъ носъ.

— Значить, намъ надо выбираться изъ послѣдняго нашего убѣжища, — сказалъ старикъ и посмотрѣлъ на дѣтей.

Дмитрій спокойно стоялъ у стола, а Евфросинія, пови-
димому, нисколько не обращала вниманія на то, что говорили.

— Простите мнѣ, князь, ради Христа, — сказалъ Климо-
вичъ, кусая свой усъ. — Если ужъ на то пошло, хотя я не имѣю
денегъ, но мой домъ къ вашимъ услугамъ.

— Благодарю васъ, благодарю! Я найду для себя крышу,
но не хочу беспокоить васъ.

Сказавъ это, Евстафій отвернулся.

Климовичъ взялъ шапку и забился въ уголъ, не зная, что
дѣлать. Старикъ задумался.

— О чемъ ты думаешь, князь?—сказалъ Выджга.

— Есть о чемъ; думаю, гдѣ бы мнѣ пріютить дѣтей.

— А что тутъ, тысяча чертей, думать? Разумѣется, у
меня. Богъ свидѣтель, что у меня теперь гроша нѣтъ за ду-
шой, но къ Иванову дню я заплачу твоему кредитору и воз-
вращу тебѣ Голибщизну.

Старый князь, у котораго на глазахъ показались слезы,
могъ только обнять Выджгу.

— Если я не найду средства пособить своему горю, то
приму твою помощь; но я не хочу даромъ ѣсть твой хлѣбъ, —
мы будемъ трудиться для тебя.

— Что такое, тысячи чертей? Развѣ я ужъ такой голышъ,
что не имѣю чѣмъ подѣлиться съ вами?—вскричалъ Выджга.

— Я также что-нибудь пожертвую, — сказалъ потихоньку
Климовичъ.

Князь ничего не отвѣчалъ.

— Теперь за работу, — сказалъ онъ, обращаясь къ сыну:—
надо все собрать и выбраться отсюда, — и пожалши еще разъ
руку Выджги, князь вышелъ.

Оставленный всѣми, потому что Выджга тоже ушелъ вслѣдъ
за князьями, Климовичъ сѣлъ на лошадь и уѣхалъ. Евфро-

синія осталась одна; съ минуту она, казалось, думала о чемъ-то, потомъ трянула головой, какъ бы желая отогнать отъ себя какую-то неотвязную мысль, и принялась все убирать.

— Что это значить?—съ плачемъ спросила вбѣжавшая Магда.—Какое еще новое несчастье? Старый князь все убираетъ. Или насъ уже и изъ этого угла гонять?

— Кажется, что такъ, моя милая, —отвѣчала печально Евфросинія,—и мы только служимъ помѣхой имъ.

— А кто жъ посмѣетъ отнять это мѣсто у Голубовъ?

Евфросинія ничего не отвѣтила на это.

Въ приготовленіяхъ прошла и вторая половина дня. Евстафій ни на кого не жаловался, а только молча готовился къ выѣзду. Молчала и вся семья, когда вечеромъ сидѣла на дорожныхъ мѣшкахъ. Евфросинія, съ сухими глазами, но съ раскраснѣвшимся лицомъ, увязывала въ большой платокъ свои небогатые наряды.

Въ это время къ домику съ шумомъ и стукомъ подъѣхалъ возокъ. Старикъ вздрогнулъ, когда услышалъ этотъ грохотъ. Дмитрій вышелъ изъ комнаты узнать, кто пріѣхалъ. Всѣ чувствовали, что новый гость не кто иной, какъ чиновникъ, присланный для описи имѣнія.

Въ комнату вошелъ совершенно незнакомый человекъ. Это былъ мужчина уже не молодыхъ лѣтъ, хромавшій на одну ногу и опиравшійся вслѣдствіе этого на костыль. Онъ былъ весь въ черномъ. Блѣдное его лицо не выражало ничего, кромѣ хитрости. На привѣтствіе незнакомца, князь съ важностью всталъ и, придвигая къ нему скамейку, сказалъ:

— Съ кѣмъ имѣю честь разговаривать?

— Довмундъ. Князь Голубъ?

— Къ вашимъ услугамъ.

— Могу ли я съ вами поговорить?

— Съ большимъ удовольствіемъ. Вѣрно, о какомъ-нибудь дѣлѣ?

— Да.

— Садитесь, прошу покорно.

Чинovníкъ кивнулъ только головой и усѣлся.

— Что же вы мнѣ скажите?

— Я пріѣхалъ объявить вамъ...

— Чтобы я выбирался изъ этого дома?

— Да, а вмѣстѣ съ тѣмъ...

— Ничего не скажу я вамъ на это, — перебилъ князь, — кромѣ того, что вы можете забрать все, хоть сегодня же.

— Но если-бъ было средство...

— Никакого, потому что денегъ у меня нѣтъ.

— Но если бы нашлось средство не только оставить за собой это мѣсто, но и возвратить часть имѣнія, принадлежавшаго нѣкогда вашей фамиліи, напримѣръ—Голубы, Глажи и Троски?..

— Если бы нашлось честное средство, я былъ бы радъ.

— Кто же смѣетъ предлагать вамъ безчестное средство? Съ вашей стороны требуется только одно молчаніе, чтобы получить все это.

— А! понимаю, — сказалъ старикъ. — Надо, чтобы я не обращалъ вниманія, не протестовалъ, когда кому-нибудь вздумается присвоить себѣ мое имя.

Чиновникъ молчалъ.

— Вы дворянинъ? — спросилъ князь.

— Да, я происхожу отъ древняго литовскаго рода. Насъ знавали еще *in paganism*.

— Ну, что, если бы къ вамъ пришелъ какой-нибудь мужикъ и сталъ просить у васъ позволенія называться Довмундомъ? Что бы вы сказали ему на это?

— Я потребовалъ бы у него доказательствъ.

— И справедливо бы сдѣлали. Я того же хочу.

Новое молчаніе.

— Но не лучше ли самимъ просмотрѣть документы, вмѣсто того, чтобы обращаться въ судъ? — сказалъ чиновникъ. — Въ нашемъ государствѣ, вслѣдствіе войнъ и разныхъ эмиграцій, часто случается, что родственники не знаютъ о существованіи другъ друга и, будучи потомками древняго рода, не могутъ доказать своего происхожденія, часто...

— Часто, однакожъ, не рѣдко бываетъ и такъ, что присвоиваютъ себѣ чужой гербъ разбогатѣвшіе холопы.

— Это случается; но отъ нихъ требуютъ документовъ.

— И я того же хочу.

— Но видали ли вы ихъ? — спросилъ чиновникъ.

— Нѣтъ, да и зачѣмъ? Я знаю, что Голубами могутъ называться только я да мой сынъ.

— Откуда же вы знаете это? Изъ преданія? Почему бы не заглянуть въ бумаги своего противника?

— Онѣ могутъ быть поддѣланы.

— Въ такомъ случаѣ, ихъ легко можно было бы узнать.

— Не мнѣ.

— Ручаюсь вамъ въ этомъ.

— Но о чемъ мы споримъ?—сказалъ старикъ, вставая.— Я возьму свою котомку и хоть сейчасъ уйду.

— Скитаться на старости лѣтъ!

Старикъ только вздохнулъ.

— На то воля Божья!

— И дѣтей довести до нищеты, быть можетъ, до подлости!

— Милостивый государь! они могутъ быть бѣдными, но низкими—никогда.

Чиновникъ покачалъ головой.

— Порокъ часто слѣдуетъ за бѣдностью, — замѣтилъ онъ.

— Часто, но не всегда,—возразилъ князь.—Въ чьихъ жилахъ течетъ благородная кровь, тотъ скорѣе согласится умереть, нежели сдѣлать какую-нибудь подлость.

— Но какую пользу принесетъ вамъ упорство? Вы только губите себя и дѣтей, между тѣмъ какъ однимъ словомъ могло бы возвратить себѣ прежнее богатство и прежнюю знатность.

— Имя пропадетъ, но зато никто другой не станетъ носить его.

— Извините,—сказалъ чиновникъ,—именемъ вашимъ назовется кто-нибудь другой, когда угаснетъ вашъ родъ, а та дорога, по которой вы идете, никуда васъ не доведетъ.

Князь Голубъ провелъ рукой по лбу и бросился къ дверямъ.

Чиновникъ остановилъ его.

— Стойте! стойте! Я пріѣхалъ къ вамъ съ предложеніемъ и сейчасъ уѣзжаю. Жаль мнѣ васъ.

Старикъ ничего не отвѣчалъ, а только горько усмѣхнулся.

— Г. Довмундъ!—сказалъ онъ, немного погодя,—я еще хо-

заяинъ въ этомъ домѣ и долженъ оказать вамъ гостепріимство. Ночь уже наступила, и если вамъ угодно будетъ переночевать у насъ, мы очень рады.

— Благодарю васъ. Я долженъ спѣшить, потому что меня ожидаютъ. За мной пріѣдетъ и судъ.

— Пусть ѣдетъ, — сказалъ князь, — мы готовы.

Чиновникъ еще разъ посмотрѣлъ на старика, пожалъ плечами, какъ бы удивляясь необыкновенной его твердости, потомъ поклонился и уѣхалъ.

Голубы остались втроемъ.

Наконецъ потухъ огонекъ, освѣщавшій стѣны, лишеныя обыкновенныхъ своихъ украшеній. Князь посмотрѣлъ на нихъ и воспоминанія зародились въ его головѣ. Онъ вспомнилъ о женѣ, умершей въ этомъ домѣ, о дѣтяхъ, увидѣвшихъ свѣтъ въ этихъ стѣнахъ, о важнѣйшихъ минутахъ своей жизни, пережитыхъ здѣсь, и на его глазахъ показались слезы, которыхъ ни сынъ, ни дочь не замѣтили. Молодые люди стояли въ глубокомъ молчаніи; они тоже страдали, но не смѣли обнаружить своихъ страданій, боясь огорчить отца.

Утромъ наѣхалъ судъ, и Голубы оставили свой домъ... Они переѣхали къ Выджѣ.

Хорошій человекъ былъ этотъ Выджга, но, къ несчастію, имѣлъ одинъ большой недостатокъ — былъ женатъ. Казалось, Опалинскій имѣлъ предъ глазами его жену, когда писалъ свои сатиры на женщину. Это была адская фурія. Почтенный шляхтичъ смотрѣлъ на нее, какъ на наказаніе, посланное свыше за грѣхи, и съ должною покорностью несъ возложенный на него крестъ. Несмотря на энергическую поговорку, не сходящую съ его языка, онъ былъ добрый человекъ, добрый до того, что позволялъ другимъ водить себя за носъ. Давъ слово Голубамъ принять ихъ къ себѣ, онъ возвращался домой съ грустною мыслью, какъ сказать объ этомъ женѣ, какъ посмотреть она на это.

— Поглядите на лѣнивца! — заговорила она, подбоченясь: — чай опять былъ у князей, вмѣсто того, чтобъ присматривать за работами въ полѣ. Эразмъ! Эразмъ! опять ты тараторилъ съ своими князьми?

— Такъ что-жъ, тысяча чертей! Я развѣ не могу идти,

куда мнѣ угодно? Да, я былъ у Голубовъ: что-жъ изъ этого? Если-бъ ты знала, какія тамъ творятся чудеса!

— Что за невидаль! Бѣдность, больше ничего!—сказала Соломонія.

— Нѣтъ, неожиданное происшествіе.

— Ужъ не разбогатѣли ли они?

— Какое разбогатѣли! Совершенно обнищали..

— Что-жъ тутъ удивительнаго? Этого надо было ожидать.

— Какимъ, однако, предвѣдніемъ надѣлилъ тебя Создатель! Но дѣло не въ томъ: у нихъ, за долгъ ихъ Климовичу, отняли домикъ, и tandem они не знаютъ теперь, гдѣ преклонить голову.

Едва онъ успѣлъ выговорить эти слова, какъ передъ нимъ уже стояла его фурія.

— Не забываешь ли ты ихъ къ себѣ?

— А какъ же иначе, чортъ возьми?

— Что-жъ это такое? Ты магнать, что ли? Да только осмѣлся у меня это сдѣлать, я ихъ вытурю изъ дома.

— Осторожнѣй, душенька, осторожнѣй! Самое смиренное животное кусается, когда его раздражаютъ. Помни это, душенька!—сказалъ Выджга, покраснѣвъ отъ гнѣва.

— Что это значить? Ты смѣешь грозить! Ахъ, ты трутень этакой, лѣнтяй! Ты хочешь добро свое, съ такимъ трудомъ мною нажитое, отдать какимъ-нибудь бродягамъ?

— Душенька! Голубы будутъ жить у меня.

— Не будутъ.

— Душенька! Право я попотчю тебя палкой.

— Попроbuy только!

— Господи! дай терпѣнія!—сказалъ шляхтичъ, пожимая плечами, и, собравшись съ духомъ, прибавилъ:—я такъ хочу и такъ будетъ! Помни, что все то, чѣмъ ты распоряжаешься, мое. А если тебѣ здѣсь нехорошо, такъ отправляйся къ своимъ; я тебя не удерживаю; повѣрь, не стану плакать. Голубы будутъ жить у меня.

Соломонія раскричалась, а потомъ заплакала. Выджга ушелъ, не обращая на нее никакого вниманія.

Едва только онъ ушелъ, какъ Соломонія топнула ногой и сказала чутъ слышно:

— Хорошо же! пусть перебираются; но не проживутъ они долго у меня...

Незавидная участь ожидала того, кто захотѣлъ бы искать для себя пріюта въ этомъ домѣ. Какъ сосѣди, Голубы знали нѣсколько, что дѣлалось въ домѣ Выджги, но того, что ихъ ожидало, они не могли себѣ вообразить. На слѣдующій же день послѣ своего переѣзда туда они почувствовали всю горечь чужого хлѣба. Выджга принялъ ихъ отъ души, но его жена на каждомъ шагу наносила имъ нестерпимыя оскорбленія. Изъ ея спальни долетали до слуха Голубовъ жалобы на огромные расходы, на бѣдность. (Разумѣется, для своихъ жалобъ Соломонія выбирала такое время, когда не было мужа). У стараго князя волосы встали дыбомъ, когда онъ однажды услышалъ это, а Евфросинія вскочила съ сундука, какъ помѣшанная, и стала собирать свои вещи, какъ бы желая уйдти куда-то. Одна мысль, что некуда дѣться, удерживала ихъ въ этомъ домѣ и заставляла таить свои страданія. Но слезы часто показывались на ихъ глазахъ. Выджга ничего не зналъ о продѣлкахъ жены, а Соломонія со всею хитростью женщины трудилась надъ изгнаніемъ своихъ гостей.

Спустя три дня по ихъ переѣздѣ въ этотъ домъ, Евфросинія ушла. Старикъ думалъ, что она пошла на прогулку къ прежнему своему жилищу; но когда и послѣ обѣда ея не было, въ домѣ произошло большое смятеніе, и Дмитрій съ отцомъ отправился искать ее. Однако, поиски ихъ были напрасны. Цѣлый день прошелъ въ безпокойствѣ и догадкахъ. Наконецъ Выджга, воротившійся назадъ поздно ночью, привезъ неутѣшительную вѣсть.

Евфросинія, какъ и всѣ почти бѣдныя дѣвушки того времени, не умѣла писать, а потому, уходя, не могла оставить о себѣ никакого извѣстія. Только въ мѣстечкѣ продиетовала она письмо, которое Выджга и привезъ старику Голубу.

Начальницей дѣвичьяго монастыря въ Дубно была родственница Голуба, двоюродная племянница Евстафія. Съ ней-то и снеслась Евфросинія и получила отъ нея согласіе на поступленіе въ монастырь. Увѣдомляя отца о своемъ побѣгѣ, Евфросинія оканчивала письмо слѣдующими словами: „У тебя будетъ болѣть сердце, отецъ, когда ты узнаешь, что потерялъ

дочь, которой слѣдовало бы покоить твою старость. Но твоя Евфросинія оставляетъ тебѣ Дмитрія, а сама, пока еще время терпитъ, посвящаетъ себя Богу, потому что, кромѣ тебя, ее ничто не привязываетъ къ свѣту. Не для меня мужъ, не для меня будущность. Не безпокойся обо мнѣ: мнѣ хорошо будетъ въ монастырѣ, лучше, нежели тамъ, гдѣ ты долженъ былъ опасаться за меня каждую минуту. Прости же меня, отецъ, прости, а если простилъ, то прїѣзжай утѣшить свою Евфросинію“.

У старика холодный потъ выступилъ на лбу, когда онъ читалъ эти строки.

„Хорошо“, говорилъ онъ про себя, „хорошо сдѣлала. Да! ей монастырь, Дмитрію сабля и конь, а мнѣ гробъ или палка да котомка“.

Соломонія хлопала въ ладоши въ спальнѣ. „Вотъ ужъ одну сбывла съ рукъ!“—думала она. А Выджга ходилъ по комнатѣ съ ошестинившимися волосами, сердитый, какъ рѣдко, и отсылавшій къ чертямъ всѣхъ и все. Не безъ причины считалъ онъ жену свою виновницей неожиданнаго побѣга Евфросиніи.

На слѣдующій день князь Евстафій всталъ рано, перешарилъ всѣ свои мѣшки, перебралъ бумаги и позвалъ Дмитрія.

— Если ужъ страдать, такъ страдать до конца,—сказалъ онъ:—лучше однимъ духомъ выпить все, какъ горькое лѣкарство. Поѣзжай, мой милый Дмитрій, на войну.

Дмитрій поблѣднѣлъ, но, привыкши во всемъ повиноваться отцу, молчалъ.

— Нечего тебѣ здѣсь дѣлать,—прибавилъ Евстафій.—Мы ѣдимъ чужой хлѣбъ да и не охотно даютъ намъ его. Ты молодъ, пора тебѣ вступить въ жизнь и трудиться для будущности.

— Какъ же я могу оставить тебя одного?

— Какъ? Какъ Богъ велѣлъ—сиротой на старость. Но это не важно, были бы счастливы вы. Все, что у меня есть драгоценнѣйшаго, я отдамъ тебѣ; возьми и лошадь нашу. До поры до времени она можетъ еще служить, а тамъ купишь себѣ и другую. Съ Сапѣгами мы давно знакомы; они всегда были нашими покровителями; они примутъ тебя въ свой дворъ. Отправляйся къ канцлеру, у него есть свое войско и онъ приметъ тебя. Ну, а если нѣтъ мѣста въ войскѣ, оставайся при дворѣ.

— А ты, отецъ?

— Я? что тебѣ до меня? Я знаю, что дѣлать. Поѣзжай сегодня же. Нечего здѣсь смотрѣть да терять время понапрасну.

Въ послѣднихъ словахъ скрывалось много скорбнаго чувства, но старикъ не хотѣлъ обнаружить его.

— Я буду слѣдить за Грыничемъ и нашимъ дѣломъ, смотрѣть буду и за Евфросиніей; ты поѣзжай.

Въ это время вошелъ Выджга.

— А! куда это вы собираетесь, тысяча чертей? — спросилъ онъ.

— Въ свѣтъ, счастья искать.

— Вы какъ будто уходите отъ милой моей Соломоніи. Правда, у нея дьявольскій языкъ, однакожь, вы знаете, что хозяйнѣ-то здѣсь я, а не она. Баба пусть мелеть языкомъ, сколько ей угодно, а я свое дѣлаю.

Такъ всегда утѣшалъ себя несчастный Выджга, стараясь убѣдить и себя и другихъ, что онъ господинъ въ домѣ.

— Никто не уходитъ, — сказалъ старикъ: — намъ здѣсь очень хорошо, но, почтеннѣйшій другъ, надобно же намъ и о себѣ подумать. Евфросинія сама распорядилась собою, одинъ Дмитрій остался у меня на рукахъ. И надъ нимъ я хочу употребить свою отцовскую власть, — прибавилъ князь, принужденно улыбаясь.

— Эй, подумайте, тысяча чертей, хорошо ли вы дѣлаете.

— Я посылаю сына къ Сапѣгамъ: пусть служитъ и работаетъ для будущности.

— А имѣете ли вы съ чѣмъ отправить его? — спросилъ потихоньку Выджга.

— Какъ это съ чѣмъ?

— Извините меня, но, можетъ быть, у васъ нѣтъ денегъ? Старикъ покраснѣлъ. — О, о! вы думаете, что у меня ужъ ничего и нѣтъ? — наконецъ отвѣчалъ онъ: — найдется еще. У меня есть нѣсколько талеровъ, о которыхъ Соломонія ничего не знаетъ, — прибавилъ Выджга еще тише.

— Какъ честный человѣкъ говорю вамъ, что не нужно.

— Эй, подумайте, потому что, скажу вамъ всю правду, эти деньги, которыя я спряталъ отъ жены, не даютъ мнѣ покоя ни днемъ, ни ночью. Что, если она какимъ-нибудь образомъ увидитъ ихъ? Пойдутъ разспросы, то, другое.

— Что жъ, вы боитесь?..

— Боюсь? тысяча чертей! Стану я бояться женщины! Но, видите ли, въ чемъ дѣло: я сдѣлалъ глупость, что спряталъ эти деньги; жена все-таки имѣетъ свои права.

— Такъ отдайте ей,—сказалъ Голубъ,—мы еще не такъ бѣдны. Кромѣ денегъ, я даю Дмитрію всё драгоцѣнности, какія у меня еще есть.

И старый Голубъ открылъ небольшую коробочку, увязанную съ большимъ стараніемъ веревочками и находившуюся на самомъ днѣ сундука. Въ ней находились перстни, запонки и другія вещи грубой старомодной работы, но высокой цѣнности.

— Видите ли,—сказалъ онъ,—нуженъ былъ такой случай, какъ отъѣздъ Дмитрія, чтобы я разстался съ ними.

— Да вы можете деревню купить! — сказалъ удивленный Выджга.

— Можетъ быть, не знаю. Для меня эти вещи дороже всего на свѣтѣ, потому что съ ними связаны самыя дорогія для меня воспоминанія. Эта китовая запонка досталась моему прадѣду на Руси, когда онъ былъ посломъ у великаго князя литовскаго; этотъ перстень—даръ Сигизмунда-Старога, а эта цѣпь досталась намъ отъ князей Острожскихъ, съ которыми мы были въ роднѣ, когда были въ славѣ. Дмитрій продастъ что-нибудь изъ этихъ вещей и будетъ имѣть чѣмъ жить. Отдаю ему все, въ той надеждѣ, что одинъ голодъ заставитъ его разстаться съ этими памятниками прошлаго.

И онъ прижалъ сына къ сердцу, взявши его за голову руками. Выджга ушелъ, пожимая плечами.

Три дня спустя, Дмитрій ѣхалъ въ Литву, не помня себя отъ горести. Отецъ стоялъ на крыльцѣ и слѣдилъ за нимъ глазами; ему такъ было тяжело, что онъ не могъ плакать.

Когда Дмитрій скрылся изъ виду, старикъ перекрестилъ дорогу и вошелъ въ комнату.

— Вотъ ужъ и двое!—весело сказала Соломонія.—Старика не трудно выжить.

И, дѣйствительно, старый князь тоже какъ будто началъ собираться въ дорогу, и когда Выджга вечеромъ пришелъ къ нему играть въ шашки, онъ засталъ его надъ сундукомъ: князь перебиралъ свои вещи.

— Это что значить?—спросилъ Выджга.

— Ничего, выбираюсь,—отвѣчалъ Голубъ.

— Какъ? что?

— Прощусь съ вами.

— Ты?.. Вы хотите оставить меня?

— Долженъ оставить, что жъ дѣлать! Пойду слѣдить за Грыничемъ и дѣломъ.

— Куда?

— Самъ не знаю. Пойду въ Луцкъ, а, быть можетъ, и въ Люблинъ.

— Какъ, пойдете пѣшкомъ? Прилично ли это дворянину? Евстафій покачалъ головой.

— Послушайте, — сказалъ онъ, — теперь мнѣ не зачѣмъ думать о томъ, что было и что могло быть. Я перемѣню свою фамилію, перестану называться княземъ, возьму котомку, палку и пойду наблюдать за Грыничемъ. Я человѣкъ свободный и прежде, нежели умру, постараюсь передать дѣтямъ въ цѣлости драгоцѣнное наслѣдство, полученное мною отъ предковъ.

— Вы бредите, тысяча чертей!—заговорилъ Выджга.

Евстафій покачалъ головой.

— Такъ должно быть,—отвѣчалъ онъ.

— Но вѣдь это мечта! Въ ваши лѣта идти Богъ знаетъ куда и еще пѣшкомъ!

— И безъ гроша денегъ въ карманѣ,—прибавилъ князь.— Теперь я ужъ не прежній Евстафій, а бородатый, неизвѣстный нищій, который добровольно отказывается отъ своего имени и прячетъ его, какъ путешественникъ дорогое платье, чтобъ не запачкать его.

Выджга задумался и пожалъ плечами.

— Я вамъ не позволю сдѣлать этого.

— Позволите, должны позволить, — медленно проговорилъ старикъ.— Разныя вещи мои остаются у васъ, а я самъ управляюсь немедленно.

— Но вы уходите отсюда, какъ изъ зачумленнаго дома...

— Нѣтъ, любезный Эразмъ, мы добровольно идемъ, намъ должно идти.

— А! и старый выбирается,—сказала Соломонія, подслушавшая этотъ разговоръ:—слава Богу! вотъ и всѣ.

— Вы наносите мнѣ смертельную обиду.

— Нѣтъ, нѣтъ; я обязанъ слѣдить за Грыничемъ. Отъ этого зависитъ судьба моихъ дѣтей. Не даю имъ богатства, оставляю имъ по крайней мѣрѣ имя.

На слѣдующее утро старый князь такъ переодѣлся, что его трудно было узнать. Онъ стоялъ на крыльцѣ съ котомкой за плечами и палкой въ рукахъ, съ бородой, которой онъ уже нѣсколько недѣль не брилъ, и въ длинномъ черномъ сюртукѣ. Выджга плакалъ, а Соломонія, подбоченая, что она всегда дѣлала, когда была рада, ходила взадъ и впередъ по опустѣвшей избѣ, въ которой стояли одни сундуки Голубовъ.

Старикъ подошелъ къ ней.

— Примите отъ меня, — сказалъ онъ, — на память этотъ подарокъ. Я ничѣмъ больше не могу поблагодарить васъ за ваше гостепрѣимство.

Соломонія сдѣлала гримасу. Онъ продолжалъ:

— Возьмите отъ стараго пріятеля эту бездѣлицу.

Сказавъ это, князь вынулъ изъ бумажки перстень и подалъ его Соломоніи, у которой такъ и загорѣлись глаза отъ алчности. Перстень стоилъ нѣсколько сотъ золотыхъ тогдашнихъ. Подарокъ былъ поистинѣ княжескій.

— Но, князь, это дорогая вещь, — сказала она, желая показать, что ей совѣстно принять такой цѣнный подарокъ.

— Можетъ быть, не знаю. Продать его я не могу, потому что это перстень моей бабушки. Пусть онъ лучше вамъ достанется. Моя бабушка была почтенная женщина, всю жизнь свою посвятившая бѣднымъ и истратившая на нихъ все свое имѣніе. Только этотъ перстень остался послѣ нея. Возьмите его вы, прошу васъ, вы, которая такъ хорошо исполняете законы гостепрѣимства.

Соломонія покраснѣла, а старикъ вышелъ на крыльцо.

Здѣсь ожидалъ князя Выджга, все еще не потерявшій надежды удержать его.

— Нѣтъ... пойду... долженъ идти, — сказалъ князь, взявшись за палку.

— Но какъ же я останусь здѣсь одинъ? Я умру съ тоски, — вскричалъ шляхтичъ. — Я привыкъ къ вамъ, какъ къ роднымъ: что-жъ я стану дѣлать безъ васъ?

— Увидимся, я навѣщу васъ.

— Когда?

— Не знаю. До свиданія.

И князь сдѣлалъ нѣсколько шаговъ.

— Позвольте по крайней мѣрѣ проводить васъ и выпить вмѣстѣ стаканъ меда.

Охотнѣй обыкновеннаго Соломонія выслала стараго меда, а шляхтичъ, расчувствовавшись до слезъ, проводилъ своего гостя за лѣсъ. Здѣсь, еще разъ остановившись, они усѣлись на курганъ и долго разговаривали между собою. Наконецъ Евстафій почти силою вырвался изъ объятій Выджги и ушелъ по луцкой дорогѣ.

Нѣсколько разъ потомъ Выджга ѣздилъ въ Луцкъ и все спрашивалъ о князѣ, ходилъ даже къ Грыничу, но и тотъ о немъ ничего не зналъ. Когда по дѣлу ему надо было съѣздить въ Дубно, онъ нарочно заходилъ къ Ефросиньѣ, но молодая дѣвушка тоже давно не слыхала ничего объ отцѣ.

Между тѣмъ года проходили, а дѣло Голубовъ не подвигалось впередъ: Холупскіе умѣли затягивать его. Наконецъ Грыничу удалось, съ большими, впрочемъ, хлопотами и пожертвованіями, внести дѣло въ судъ. Когда дошла до Голубовъ очередь говорить, Грыничъ съ такимъ искусствомъ изобразилъ судьбу этой нѣкогда знаменитой, а теперь лишившейся всего фамиліи, такъ умѣлъ подѣйствовать на умъ и чувство судей, что они только Евстафію и Дмитрію позволили называться Голубами. Притязанія Холупскаго были признаны незаконными и ему велѣно отказаться отъ княжества и называться съ этого времени просто Холупомъ.

Хотя Холупскій проигралъ, но его все-таки не такъ строго наказали, какъ бы наказали всякаго другого самозванца, менѣе богатаго и менѣе сильнаго. Възбѣщенный Холупскій началъ домогаться титула графа имперіи и въ скоромъ времени получилъ его.

Послѣ этихъ событій, Грыничъ ѣздилъ во многія мѣста, надѣясь отыскать гдѣ-нибудь Евстафія, но прошелъ цѣлый годъ, а о немъ не было ни слуху, ни духу. Наконецъ въ одинъ вечеръ къ Грыничу постучался бѣдно одѣтый старикъ. Адвокатъ отперъ дверь и увидѣлъ передъ собою Евстафія. Старый князь взялъ у Грынича свои документы, возвратилъ ему его

росписку, заплатилъ расходы и, крѣпко пожавъ ему руку, сказалъ:

— Вы благородный человекъ. Кто всегда былъ честнымъ, тотъ не такъ великъ, какъ тотъ, который сдѣлался имъ...

И онъ хотѣлъ уйти, но Грыничъ удержалъ его, стараясь узнать, какъ жилъ онъ и какъ живутъ его дѣти.

Старый князь грустно покачалъ головой.

— По вашей милости, у насъ теперь есть имя,—это одно наше богатство. А моя жизнь ничѣмъ не отличается отъ жизни тѣхъ, которымъ суждено вѣкъ скитаться.

Сказавъ это, старый князь быстро ушелъ.

Недѣлю спустя, около Майданицъ найденъ былъ трупъ Евстафія. Старались найти убійцу, но напрасно. Выджга обвинялъ Холупскаго.

Дмитрій умеръ отъ раны, нанесенной ему на дуэли наемнымъ нѣмцемъ. Рана казалась не опасною, но ему дѣлалось все хуже и хуже, и черезъ два дня его не стало. Евфросинья таяла, какъ свѣчка; она была больна какою-то непонятною болѣзнию, однако, ей суждено было пережить своего отца и брата.

Почти въ одно время со смертью Евфросиньи, графъ Холупскій сталъ опять называться княземъ Голубомъ. Грыничъ, нѣкъмъ непрощенный, протестовалъ противъ этого, но прежде, чѣмъ успѣлъ составить вторичную записку, заболѣлъ и умеръ.

Послѣ этого Холупскіе безспорно стали называться Голубами. Въ то время было ихъ трое: самъ старый князь, съ которымъ мы уже знакомы, и двое его малолѣтнихъ дѣтей.

На фронтонѣ новаго дворца новый князь повѣсилъ гербъ, представлявшій могилу, на которой стоялъ крестъ.

— Теперь некому спорить со мною о княжествѣ и разбить мой гербъ!—говорилъ Холупскій, ложась въ богатую постель, на другой день послѣ того, какъ привѣшенъ былъ новый гербъ. Во снѣ онъ все бредилъ своимъ княжествомъ. Ему снилось, что онъ разговаривалъ съ Мурделью, который сидѣлъ передъ нимъ въ окровавленной одеждѣ палача.

— Умерли, всѣ умерли,—говорилъ ему Мурделью.

— Слава Богу! У насъ теперь нѣтъ соперниковъ! Всѣ умерли!

— Всѣ до одного!—сказалъ Мурделью, вытирая ножъ полю своего кафтана.

— Скажи же мнѣ еще, кто какимъ образомъ умеръ?—спрашивалъ Холупскій.

И Мурдельо сталъ высчитывать страшнымъ голосомъ:

— Старый князь убитъ на дорогѣ.

— Какъ его убили?

— Его ударили въ грудь тремя ножами и палками раздробили черепъ, такъ что у него даже выскочили глаза.

— Хорошо. Дальше.

— Дмитрій также умеръ отъ руки убійцы.

— Какъ?

— Наемный нѣмецъ ранилъ его отравленной шпагой. Раневая рука опухла, посинѣла, и онъ умеръ, когда ядъ наконецъ подступилъ къ сердцу.

— Хорошо. Дальше.

— И Евфросинія умерла!

— Какъ?

— Италіанецъ продалъ ей отравленную свѣчу. Она и зажгла ее въ своей кельѣ. У ней заболѣла грудь. Несчастливая стала худѣть, кашлять и наконецъ умерла.

— Хорошо. Ты исполнилъ свое дѣло какъ нельзя лучше.

— И Грыничъ умеръ.

— Какъ?

— Онъ выпилъ ядъ.

— Итакъ, всё?

— Всё до одного.

Потомъ снилось князю, что онъ спитъ на холодныхъ трупахъ тѣхъ, которые были убиты имъ. Онъ чувствовалъ подъ собою голову старика, грудь Дмитрія, исхудавшую руку Евфросиньи и ноги Грынича. Новый князь спалъ побѣдителемъ.

Но вотъ бьетъ полночь и изъ-подъ него выходятъ мертвецы. Встаетъ прежде всѣхъ старый князь. Онъ потянулся, какъ будто послѣ сна, посмотрѣлъ на свои три раны въ груди, помочилъ пальцы въ кровь и ушелъ. У Холупскаго выступилъ на лбу холодный потъ. Встаетъ Дмитрій, протираетъ глаза, вынимаетъ ядъ изъ открывшейся раны, кладетъ его на руку и уходитъ. Встаютъ Евфросинія и Грыничъ. Князь падаетъ на землю, а плащъ его превращается въ гробовой саванъ. Евфросиньядохнула на него отравленнымъ воздухомъ. Гры-

ничъ посмотрѣлъ на небо, потомъ взялъ бутылку съ виномъ и влилъ въ нее изъ пузырька что-то темное, густое. Всѣ исчезли... Холупскій проснулся, облитый холоднымъ потомъ, и велѣлъ позвать Мурделью.

— Что хорошаго? Я дурно спалъ сегодня, вѣрно, оттого, что вчера на ночь много пилъ. Да и ты что-то блѣденъ.

— Я также дурно спалъ, я видѣлъ престранные сны...

Князь посмотрѣлъ на него искоса.

— А что тебѣ снилось?

— Что? Мертвецы.

— Гм! Это, кажется, прибыль предвѣщаетъ.

— Удивительная, однако, была ночь!

— Что же сдѣлалось съ тобой?

— Ничего. Но гербъ, вѣроятно, былъ нехорошо прикрѣпленъ, потому что упалъ, разбился и...

— Сдѣлаютъ новый!

— Но не воротятъ сына!—сказалъ Мурделью.—Гербъ упалъ на голову Евстафія.

— Моего сына, моего сына!

И князь выбѣжалъ на крыльцо. Передъ домомъ лежало окровавленное тѣло ребенка, около котораго плакала и рвала на себѣ волосы бѣдная мать. Съ помутившимися и сухими глазами князь вернулся въ залу. Онъ не плакалъ, но табъ задумался, что даже не слышалъ словъ Мурделью, который разспрашивалъ его о винахъ.

Снова красовался на фронтонѣ дома гербъ, снова князь игралъ въ замкѣ съ сыномъ, забывши о снахъ и смерти перваго ребенка.

Недѣлю спустя, опять невидимая рука разбила гербъ. Привѣсили новый и велѣли сторожить его; но на четвертый день и этотъ гербъ упалъ, хотя поставленные сторожа никого не видѣли въ эту ночь на дворѣ.

Князь засмѣялся, но смѣхъ его былъ ужасенъ. Въмѣсто каменнаго, сдѣлали гербъ деревянный, съ золотымъ крестомъ на красномъ полѣ, и прибили его къ стѣнѣ. Такой гербъ былъ у настоящихъ Голубовъ.

— Чорта теперь увидите, а не сломанный гербъ, — сказалъ князь.

Цѣлый мѣсяць красовался гербъ, но въ одно утро онъ вдругъ исчезъ; остались одни крючья, придерживавшіе его.

Между тѣмъ княгиня стала худѣть и блѣднѣть, наконецъ слегла въ постель и уже не вставала болѣе. Доктора сказали, что она отравлена ужаснымъ италіанскимъ ядомъ, который втянула въ себя вмѣстѣ съ воздухомъ. У Холупскаго волосы встали дыбомъ. Княгиня увядала постепенно, наконецъ, въ одно утро спокойно скончалась.

Въ ту же ночь князь видѣлъ во снѣ стараго Евстафія, который говорилъ ему:

— Всѣ вы до одного погибнете! Ты умрешь предпоследнимъ. Мурделью поплатится за Грынича.

— Ужасный сонъ!—сказалъ князь, вставая. — Отчего ты такъ блѣденъ, Мурделью?

— Худой сонъ видѣлъ!

— Запьемъ глупые сны.

— Запьемъ.

Едва они начали пить, какъ въ комнату вбѣжала нянька младшаго сына.

— Баринъ!—закричала она:—князь Георгій...

— Что случилось?

— Несчастье. Онъ игралъ за домомъ. Вдругъ изъ мѣстечка прибѣжалъ незнакомый мальчикъ и сталъ играть съ нимъ. У Георгія и у того были деревянные шпаги. Они стали играть, представляя изъ себя воиновъ. Незнакомый мальчикъ ударилъ Георгія по рукѣ, такъ что даже кровь брызнула.

Князь схватилъ себя за голову и выбѣжалъ изъ комнаты. Навстрѣчу ему несли сына.

— Гдѣ этотъ мальчикъ?

Напрасны были всѣ поиски. Онъ какъ въ воду канулъ; рана Георгія разболѣлась сильно. Позвали доктора.

— Озолочу тебя, только спаси сына.

Докторъ осмотрѣлъ рану и сказалъ:

— Одинъ Богъ могъ бы это сдѣлать. Смерть уже въ крови. Рана отравлена ядомъ.

И Георгія снесли на кладбище. Остался одинъ князь съ Мурделью.

— Теперь за нами чередъ,—грустно сказалъ князь.

Мурдельо поблѣднѣлъ.

— Князь! покаемся. Покаяніе избавить насъ отъ грѣховъ.

— Но не отъ мести. Запьемъ горе! Забудемъ эти непостижимыя чудеса! Мертвые не встаютъ изъ гробовъ. Выпьемъ!

— Выпьемъ!

— А потомъ поѣдемъ на сеймъ. Въ деревнѣ мнѣ тяжело, невыразимо грустно: я все потерялъ!

Едва они вышли изъ дому, чтобы сѣсть въ колымагу, которая давно дожидалась ихъ у крыльца, и навсегда оставить ужасный домъ, всѣ двери въ немъ сами собою открылись, зашатались на петляхъ и съ трескомъ упали на полъ.

Въ первый день, послѣ своего выѣзда, Холупскій и Мурдельо ночевали въ мѣстечкѣ, во второй—въ деревнѣ, въ третій—ночь захватила ихъ среди лѣса. Ночь была темная, хоть глазъ выколи, и они принуждены были ѣхать шагомъ. Вдругъ изъ чащи лѣсной вышли три фигуры, всѣ въ бѣломъ.

— А! ты здѣсь, князь Голубъ!—вскричали привидѣнія и бросились на него.

Мурдельо бросился въ кусты и легъ на землю. Онъ видѣлъ только, что въ грудь Холупскаго ударили тремя ножами и палками раздробили его черепъ. Люди разбѣжались, оставивъ трупъ своего барина среди дороги.

Когда на слѣдующій день Мурдельо пришелъ на это мѣсто, въ груди Холупскаго все еще торчали три ножа, а на нихъ сидѣли три ворона. Глаза мертвеца выскочили изъ головы и висѣли на щекахъ.

Напрасно искали убійць: ихъ и слѣдъ простылъ.

Дойдя до ближайшаго мѣстечка, Мурдельо съ плачемъ умолялъ, чтобы его приняли въ монастырь и исповѣдали какъ можно скорѣе. Монахъ утѣшалъ его, убѣждалъ покаяться, но не далъ разрѣшенія и не принялъ въ монастырь.

Въ одеждѣ пилигрима, босой отправился Мурдельо въ Римъ. Онъ получилъ отъ матери въ подарокъ медальонъ съ изображеніемъ Божіей Матери, который постоянно носилъ на груди. Смерть и будущія мученія напомнили ему объ этомъ медальонѣ, и онъ началъ плакать и молиться.

— Много, много надобно мнѣ молиться, чтобы получить прощеніе,—говорилъ онъ.—Римъ для меня близко; я долженъ идти дальшѣ!

Онъ уснулъ съ этой мыслью и во снѣ видѣлъ мать, которая говорила ему: „Довольно для тебя будетъ и Рима, только иди къ нему, не спрашивая о дорогѣ. Когда по дорогѣ будутъ встрѣчаться тебѣ большіе города, ты только спрашивай: „не Римъ ли это?“

Такъ и сдѣлалъ Мурдельо. Онъ вышелъ, никого не спрашивая о дорогѣ. Десять лѣтъ продолжалось путешествіе его по неизвѣстнымъ странамъ, между незнакомыми народами, но Рима все не было. Въ концѣ десятаго года, наканунѣ Рождества Христова, Мурдельо увидѣлъ рѣку и огромный городъ.

— Какой это городъ?—спросилъ онъ у прохожаго.

— Римъ!—отвѣчалъ тотъ, кланяясь.

Мурдельо сталъ на колѣни: онъ былъ уже въ предмѣстьи города. Увидѣвъ монастырь, онъ подошелъ къ нему и едва могъ постучаться въ ворота, потому что вдругъ почувствовалъ необыкновенную слабость и безъ чувствъ повалился на порогѣ.

Вышедшій монахъ исповѣдалъ его, и, когда кончился обрядъ, привлекшій къ калиткѣ толпу народа, Мурдельо склонилъ голову на грудь—и умеръ.

На мѣстѣ, гдѣ стоялъ замокъ Холупскихъ, растетъ теперь лѣсъ, а тамъ, гдѣ былъ домикъ князя Евстафія, построена часовня. До сихъ поръ еще окрестные жители рассказываютъ о князьяхъ удивительныя вещи, и имя Голубовъ, нигдѣ не записанное, обросло преданіями, какъ могильный камень мхомъ.

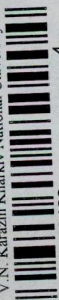
50

—————

ЦЕНТРАЛНА НАУЧОВА
БИБЛИОТЕКА
№ 53527

1907

V.N. Karazin Kharkiv National University

00620422

4